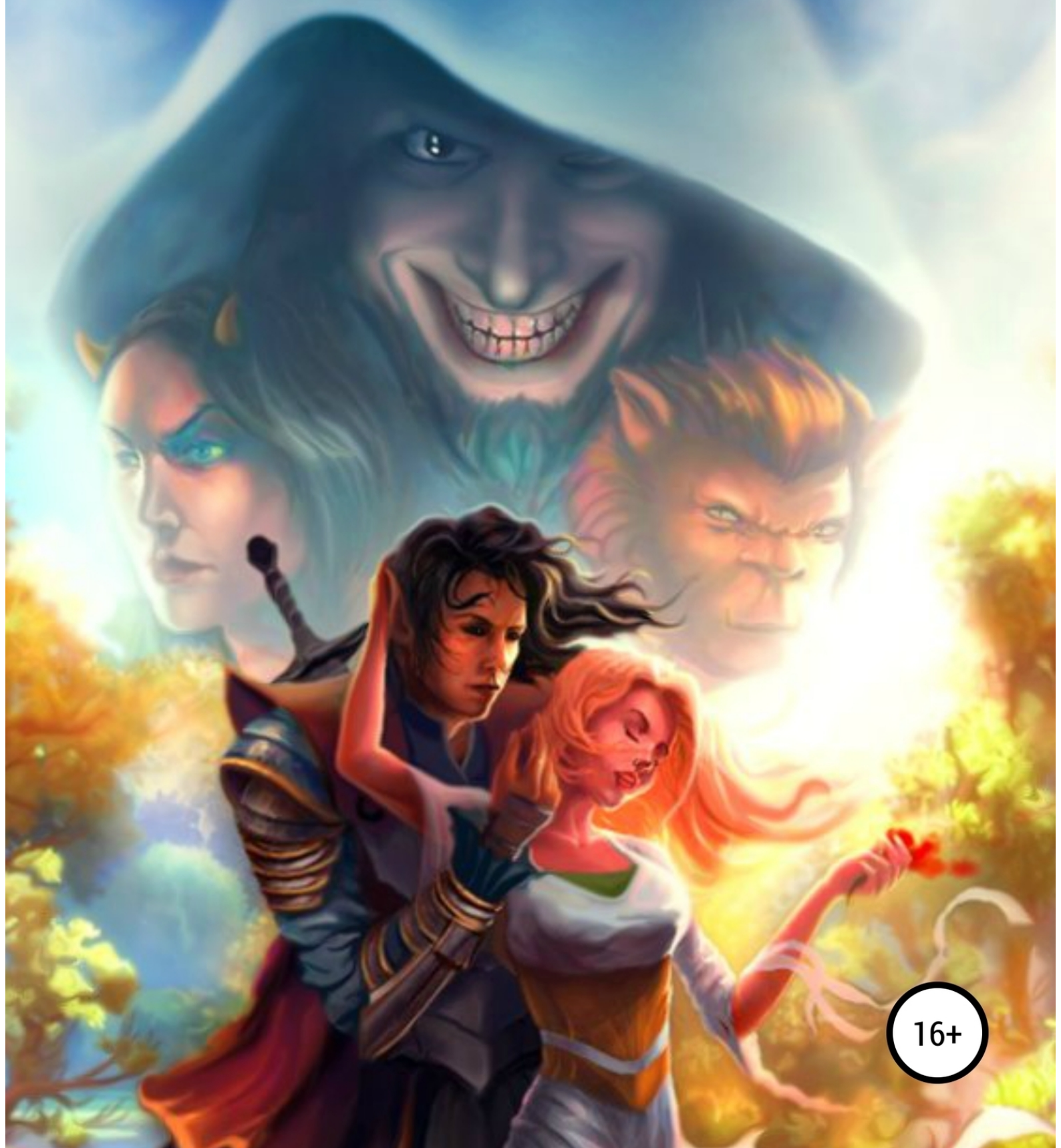

Дарья Сотрина-Друк

Кхала Тэ

16+

Дарья Согрина – Друк

Кхаа Тэ

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Согрина – Друк Д.

Кхаа Тэ / Д. Согрина – Друк — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Сукно вечности угольным шлейфом струилось и переплеталось, образуя материю. Среди бесконечной пустоты, длань Мироздания ваяла Троицу. Они, наделенные могуществом, парили во Мраке, и подобно ткачам, пряли шелк Судьбы – создавая звезды, планы и расы. Дуэль Творцов губила народы, и перекраивала измерения. Но Великой игре наступит конец! И один из богов - займет Небесный Трон, избранный Кхаа Тэ, способным остановить Тень или потопить Нирбисс в Бездне, превратив в звездную пыль. Золотая нить пересечет орнамент Планиды, возродив из эпох иную силу, обернув фермеров в плащи героев, и облачив королей в лохмотья обитателей катакомб.

© Согрина – Друк Д., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

«Нет ничего опаснее, чем безграничная доверчивость и элементарная магия! Так, как слепо доверяющий, будь он наимудрейшим, становится глупцом. А самый искусный маг, возомнивший себя совершенным, может потерпеть поражение, пренебрегая простейшим волшебством».

Пророчество Археса.

Пролог

*«Коснется неба земное горе,
Мир оставив без надежды!
Будут плакать реки, море,
О глупости людей небрежных.
Ветра засеют поле битвы
Костями, залитыми кровью.
И не спасут наш мир молитвы.
Мечи мы вынем с острой болью!»
Песнь о Черной войне.*

Там, где своды аквамаринových небес превращаются в эфемерную мглу, и нити Вселенной ткнут полотно мистических кружев, простирается дивный мир. Мир загадочных существ, могущественных сил и невероятных приключений.

Просторы Нирбисса сначала времен принадлежали только людям. Пологие берега Большой земли, покрытые белоснежным песком, сверкающим под лучами жаркого солнца, омывались бурными водами морей Дианам. А крутые вариолитовые скалы, подвергались натиску Нордарского океана, известного смертоносными водоворотами и буйным норомом. Величественные горы на севере, западе и востоке, искрящиеся снежными вершинами, страшили непроходимостью. Густые леса, уходящие макушками деревьев высоко, в лазурное небо, были наполнены дивным умиротворением и благоуханием фантастических цветов. На самом краю света, утопая в вечных снегах, холодными кристаллами утесов искрились Ледяные владенья, а в южной части, жарким пламенем мерцал Огненный архипелаг, где народ пустыни возводил города среди блуждающих дюн и нескончаемых песчаных бурь.

Давным-давно, когда этот чудесный мир был в неведении, что где-то за пределами бытия правит балом всепоглощающая ненависть и нестерпимая боль, на этих плодородных территориях покой был надежным убежищем для человеческой расы. Здесь, среди густых чащоб вековых древ, наполненных щебетом птиц, бескрайних полей, приносящих невиданный урожай, кристально-чистых рек, кишаших жирной форелью и лососем, царила безмятежная тихая жизнь, разбавленная мелкими бытовыми заботами, да пустыми неурядицами. Жители благодатного края представить не могли, что в шаге от них, за завесой разумного, процветают места магических знаний, протекает реальность беспощадных чудовищ и длится многовековая история кровавых распрей.

Повсюду возводились дивной архитектуры города с грандиозными дворцами и роскошными особняками, окруженными раскидистыми садами, где цвели олеандры и вились лозы янтарного винограда. На изумрудных пастбищах, покрытых сочной травой, и буйно цветущих полях, трудолюбивые фермеры разводили скот, выращивали овощи и злаки. Люди создавали крепкие семьи, рожали детей, обучая их ремеслу, охоте, чтению и письму. Монархи и простолюдины жили в дружбе и согласии. Короли и феодалы не облагали население непомерными налогами, уважая их труд. А крестьяне и купцы боготворили своих правителей, которые с любовью относились к народу, прислушиваясь к просьбам и советам. Но однажды, счастливой и безмятежной жизни – пришел конец.

В одном из маленьких поселений, у подножия Вертикальных гор, родилось Дитя. С самого рождения ребенок был немощен и безобразен. Родные и близкие старались окружить его заботой и любовью, несмотря на отталкивающий внешний вид и черное, как ночь, сердце. Но, увы, доброта и внимание были не способны исцелить мальчика. С каждым годом душа

слабого Человека переполнялась ненавистью к окружающему миру и злобой к живым существам. Порой казалось, что естеством юродивого завладела инородная сущность.

В одну из темных ночей, когда тень Нирбисса заслонила лик луны, Человек тайно покинул отчий дом и растворился во мраке, словно бестелесный призрак. Поиски беглеца не увенчались успехом. Юродивый исчез бесследно. Никому и в голову не пришло, что горемыка отправился в долгий путь, дабы отыскать союзника, столь могущественного, что способен наделить Немощного человека силами, которые помогут ему уничтожить ненавистный мир.

И Искатель нашел его. Вернее, изворотливый и коварный демон, чей разрушительный дух был подобно урагану, обнаружил слабое место на границе измерений и ключ, дающий надежду отпереть Врата. Он тысячелетиями ждал, когда появится возможность проникнуть в Райские кущи Нирбисса. Беса словно магнитом притянуло к черному сердцу, изъеденному ненавистью и злобой. Но для того, чтобы осуществить свой план, Отродью Тьмы пришлось заключить договор с Человеком. Он посулил ему безграничную мощь и многотысячную армию, а взамен попросил, лишь разрешение поселиться в Эдеме.

И Человек принял условия сделки, не задумываясь о том, к каким последствиям это приведет. Он жаждал уничтожить Нирбисс, населенный глупцами и благодетелями, которые вызывали в нем, лишь отвращение и злобу.

Наступил Страшный день, когда смертный, обретя безграничное могущество, повел несметное Темное войско против всего человечества, оставляя после себя следы тлена и разрушения. Там, где ступала его нога, земля превратилась в бесплодную пустыню. Там, где доставал он из ножен меч, лилась кровь рекой. Там, где задерживался его взгляд, воспламенялись леса и города...

И демон не дремал. Пока Человек измывался над родным краем и истреблял свой народ, хитрый бес создавал прорехи в иное измерение, зазывая в благодатные земли своих собратьев, нарушая равновесие времен, стирая тонкие границы между планами.

Плодородные земли Нирбисса превратились в бескрайние поля битвы. Летописцы, много столетий спустя, назовут тот период Великим Разломом или Черной Войной, которая сотворила другой мир. Мир во владычестве Хаоса! Отец поднимал меч на сына, брат на брата... Одни сражались за власть, другие за богатство, и лишь малая часть людей защищала свою землю... Пролились реки крови. Множество храбрецов, сложили головы на ненасытной плахе войны.

Юродивый, с сердцем непрогляднее ночи, насытив свою душу людскими страданиями, болью и разрушениями – внезапно исчез, вновь растворившись в сумраке, оставив после себя страшные сказки, да пугающие баллады, которые не каждый трубадур отважится поведать.

Прошли века. И казалось, наступило время, дабы долгожданный мир сызнова воцарился в этих краях, рассеяв тучи войны. Последний бой был окончен. И яркое солнце снова озарило просторы Нирбисса, даря надежду. Те, кому удалось выжить, среди кровопролитных пересудов, собрались на берегу моря Семи Ветров и принялись создавать из дымящихся руин иную жизнь. Строить новое государство, простирающееся на много миль, окруженное дремучими лесами, скалистыми горами и синими-синими водными просторами. Земля переродилась, посеяв в душах людей Свет.

Но ничто не проходит бесследно, особенно, если в минувших событиях замешана длань Создателей или демоны. Этим коварным тварям дано было знание, как менять миры, вносить сумятицу, высасывать энергию душ и соединять измерения в единую нить. Благодаря сложным и мистическим манипуляциям бесов и надменных Лауров, на когда-то благодатных и спокойных территориях Нирбисса, появилось множество диковинных существ, несущих добро и зло...

Взошли первые ростки пшеницы, отстроились заново города, появились робкие улыбки на хмурых лицах, и внезапно с севера повеяло бедой! Человеческие поселения стали подвергаться нападкам жутких тварей, пожирающих все живое на своем пути!

Люди в панике оставляли новые жилища и стремились с семьями к морю. Ни оружие, ни огонь, ни храбрость не могли защитить от острых клыков кровожадных оборотней-людоедов. Народ бежал, осознавая, что даже грозные водные просторы не в силах уберечь от гибели, а лишь оттянут на время бесславную кончину.

Последние искры надежды стали угасать в сердцах. Смерть, безжалостной волной, стирала человеческую расу с лица Нирбисса. И когда надежды разбились о безысходность – взошло солнце. И с рассветом с запада пришло спасение.

На прекрасных белоснежных жеребцах с развевающимися по ветру гривами, на побережье моря Семи Ветров явилось огромное войско высоких белокурых людей с заостренными кверху ушами и лицами небывалой красоты. Всадники называли себя Светоликими эльфами. Бесстрашные воины вынули мерцающие мечи из ножен, острые стрелы из колчанов, неведомую магию из древних книг, и начали беспощадную охоту на нечисть. Чудовища были изгнаны далеко на север, к диким и пугающим горам Смерти, где сумели затаиться в глубоких сырых пещерах. Вновь воцарился хрупкий мир. Жители Нирбисса вздохнули с облегчением, уповая, что боги больше не станут испытывать их новыми несчастьями.

К сожалению, человеческая память стала коротка на добрые дела. Возможно, на разуме людей сказались беды, выпавшие на их злосчастную долю, или же страх перед неведомыми силами, которыми обладали иноземцы. Как только побережье было освобождено от монстров, большинство коренных жителей Нирбисса, набравшись смелости, вежливо попросило чужаков покинуть очищенные от Тени края. Белокурые существа с пониманием отнеслись к просьбе низшей расы. Они развернули грациозных жемчужных скакунов, и в безмолвии скрылись в сумраке дремучего леса, унося с собой магические знания, секреты меткого и острого оружия, Великую тайну долголетия.

Но не все возжелали остаться рядом с собратьями, некоторые последовали за своими спасителями, тем самым, выражая признательность или же волнуясь о собственной безопасности. С чужеземцами, обладающими невероятным могуществом, было куда спокойнее, чем с измученной кучкой людей, измотанной и обессиленной жестокой судьбой.

Те, кто предпочел вернуться к прежнему образу жизни, до появления мистических визитеров, установили границы и ввели запрет на присутствие других рас на человеческих землях, а также, на использование волшебства и прочей инородной деятельности. Мендарв – превратился в страну людей, где не осталось места для магии и загадочных созданий.

Но там, где заканчивались владения человека, брали свое начало диковинные места, нареченные в народе Большой землей. Это была огромная территория в тысячу раз превосходящая по размерам Мендарв. Край, объятый сказочным волшебством и населенный всевозможными невиданными существами.

Глава 1

*«В дверь стучатся! Тук, тук, тук!
Я не враг тебе, а друг.
Отвори скорее двери,
Чтобы мог войти к тебе.
Незнакомец? Да! Поверь!
Незнакомцы не к беде!»*

Песенка хитрого тролля.

Далеко-далеко на востоке, среди реликтовых лесов, таких непроходимых, что даже редкий луч света с трудом достигает корней вековых деревьев, где две могучие быстротечные глубокие реки, сливаются на мгновение воедино, затем вновь расстаются, разделенные каменной твердыней, чтобы, наконец, впасть в грозный гагатовый океан, возвышался исполинский черный замок.

Подобно мифическому колоссу, он вздымался на краю обрывистой темной скалы, уходя своими витиеватыми остроконечными башнями высоко в небо. Свирепые волны прибрежных вод, гонимые ненастным и остервенелым ветром, яростно набрасывались на крутой утес, словно желая уничтожить его, низвергнуть в пламенный котел земного ядра. Ни угрюмая скала, ни мрачный замок, ни разу не дрогнули перед лицом разбушевавшейся стихии. Они стояли надменные и гордые, окутанные обсидиановой непроглядной мглой. Сооружение было неприступно и для вечно бушующего океана, и для таинственных неприятелей, жаждущих проникнуть в темные владения. Исполинский утес с одной стороны был защищен морскими просторами, а с другой, бурными реками, образующими глубокий, охраняемый крутыми скалами апрош. Длинный базальтовый мост соединял островок сковывающего страха с Большой землей. Вдоль добротной каменной переправы, по краю перил, возвышались пугающие статуи неизвестных существ, близкие родичи тех тварей, что примостились на куполах донжонов. Ни один доброволец не решился бы ступить на безликий камень, не испытав дикого ужаса.

Изредка, в самой высокой башне, крышу которой украшали уродливые бронзовые демонические горгульи с когтистыми лапами и перепончатыми крыльями, вспыхивал красный свет, словно око одноглазого чудовища, притаившегося во тьме.

В необъятном зале, из черного, как сажа гранита, где стены, исписанные замысловатыми символами, уходили ввысь и заканчивались в бесконечности, а десятки канделябров, с объемными пурпурными свечами, испускали тусклый рубиновый свет, с трудом рассеивающий вязкую тьму, воздух и все предметы – источали Вселенское зло.

Зло исходило от каменной кладки, на которой в безумной пляске извивались жуткие длинные тени, от совершенно гладкого угольного мраморного пола, исписанного древними рунами, от тяжелых бархатных штор, впитывающих в себя крупницы света, словно губка, от величественного трона, возвышающегося на невысоком базальтовом постаменте, от всего, что находилось в этой угрюмой обители. Злом веяло от мрачного пейзажа за пределами замка, виднеющегося за хрустальными стеклами окон, не пропускающих извне ни единого звука ... Пугающая, холодная, тоскливая марина. Но, каков бы не был интерьер и вызывающий дрожь ландшафт за пределами черных стен, особливую жуть внушала фигура, неподвижно стоящая у окна.

Тяжелый капюшон черной бархатной мантии утаивал лицо. Грузное облачение спадало на пол смоляным шлейфом, укутывая незнакомца призрачным туманом. Руки, скрещенные на груди, где поблескивала опаловая подвеска в виде головы дракона, были облачены в перчатки, покрытые металлическими пластинами в форме когтей сокола. На поясе из змеиной кожи, висел, собранный в кольцо, стальной кнут, тускло мерцающий мелкими шипами. Незнакомец стоял, подобно монолитному истукану, наблюдая за валами, рвущими океан.

Внезапно склепную тишину необъятного зала нарушил скрежет, отворяющихся металлических створок. Он прозвучал, как истошный крик дикого зверя, попавшего в капкан со смертоносными зубьями, щедро обработанными ядом. От резкого звука вздрогнуло пламя свечей, и стремительный поток воздуха пронесся по нефу смерчем. Через мгновение, обогнув ряд колонн, он исчез в глубинах мрачного свода.

В Зал вошли двое. Фигура в мантии не шелохнулась. Только из темноты капюшона раздался недовольный скрипучий мужской голос.

– Явились...

Одной из прибывших, оказалась невысокая остроносая девица с огромными карими глазами, ее кожа отливала бронзовым мерцанием, свойственным демоном Черного Царства. На ней красовались кожаные штаны воронова крыла, заправленные в высокие ботфорты с серебряными шпорами. Из-под покрывающего голову шерстяного плаща, цвета мокрого камня, выглядывал стальной нагрудник. А кисти обтекали перчатки для верховой езды.

Второй гость был куда колоритней своей спутницы: ростом чуть выше метра, полноват и неуклюж. Его безобразную бурую морду украшала выступающая челюсть с огромными желтыми клыками. А заостренные кверху уши, словно наконечники копья, пробивались сквозь копну рыжих волос – Мрачный Эльф, которых часто путают с карликовыми троллями, вызывая тем самым бескрайнее раздражение первых. На коротышке, также была накидка серого цвета, сапоги, металлическая кольчуга и перчатки. Судя по схожести туалета, парочка явно относилась к бойцам одного легиона.

Гости склонили головы в немом поклоне, с безудержным любопытством разглядывая рисунок напольного покрытия. Уж лучше пялиться на руны, чем встретиться взглядом с тeneвым господином.

– Что за гробовое молчание? – поинтересовалась фигура у окна, не удостоив пристального внимания вошедшую парочку. Она, не отрывая взгляд от морской панорамы, методично поглаживала подвеску. В ее тихом глухом голосе звучали стальные нотки, жаждущие перерастить в звон чугунного колокола.

Эльф ретиво ткнул локтем девицу в бок, сам же слегка отступил к двери. Он изо всех сил пытался сохранить невозмутимое выражение морды, но его эмоции, истошно кричали о том,

что коротышка отдал бы все сокровища мира, лишь бы оказаться подальше от этого проклятого места.

– Мы приветствуем вас, Милорд! – негромко произнесла демоница, одарив презрением лохматого трусливого коллеги, который, в свою очередь, сделал еще один шаг назад.

Темный повелитель убрал руки с груди, негодуя сжав в кулаки, и резко развернулся лицом к гостям. Впрочем, лицо его все так же скрывал капюшон, и визитеры не могли видеть взъерошенных черных бровей, вздутые вены на висках и дергающиеся правое веко.

– Ах, они меня приветствуют! Как мило с вашей стороны! – свирепо воскликнул он, да так громко, что слова разнеслись гулким эхом по залу, сотрясая стены. – Как вы, вообще смеете являться сюда и мельтешить перед моим взором?

Воздух внезапно сгустился, скапливая частицы гнева и угрожая соединиться в магическую сферу, жаждущую взорваться в любой миг. Эльф и демоница напряглись, опасливо взглянув в сторону выхода. В их головах зрел невероятный план побега. А бежать придется, если чародей выйдет из себя и начнет бросаться во все стороны боевыми заклинаниями.

Мужчина в бархатной мантии, верно прочел мысли гостей и решил долить масла в огонь. Он получал безграничное удовольствие, когда ощущал фибрами души, что его прислужники умирают от страха.

– Возраст превратил меня в мягкосердечный пень, – задумчиво молвил он, вновь прикоснувшись к подвеске. – Следовало вас еще в прошлый раз скормить урлонам. Вы абсолютно никчемны. Ни на что негодны...

Коротышка вздрогнул, при мысли об уродливых черных ящерах, с огромными пастями, усеянными несколькими рядами острых, как клинки гномов, зубов. Он даже хрюкнул от испуга. Демонесса на этот раз виду не подала, что ее беспокоят угрозы. Она невозмутимо подняла на Милорда свои большие красивые глаза, обрамленные рядом густых и черных ресниц. Сохранить достоинство и выдержку, даже в присутствии такого могущественного чародея, в это мгновение, ей удалось безукоризненно. Дипломат она была, хоть куда. Девушка сделала твердый шаг вперед, откинув капюшон. Длинные темные, как уголь, волосы рассыпались по плечам, обнажив маленькие рожки на голове. Демоница снова отвесила поклон, приставив правую руку к груди.

– Достопочтимый, Милорд, мы осознаем, что наша вина непростительна! Нам никогда не сравниться с вами в прозорливости и мастерстве. Мы всего лишь, глупые и никудышные слуги, жаждущие угодить вам и Его Темнейшеству. Я не посмею разубеждать Ваше Высочество в нашей бесполезности. Но поверьте, мы никогда бы не отважились предстать перед вашим милосердным ликом, без веской причины. Мы нашли то, что так желал отыскать Наш Господин.

Мужчина в иллюзорной мантии, внимательно слушал девушку. В сумраке капюшона, его глаза поблескивали голубым свечением, молниями в хмурых грозовых облаках. Когда демоница закончила говорить, в холодном и неудобном зале повисла угнетающая тишина. Казалось, даже свечи перестали потрескивать от жара пламени, сжигающего воск и фитиль. Темный лорд задумался над сказанным.

Табора всегда была красноречива и знала, как вести беседу. Но с пониманием отнестись к ее словам и, тут же, отбросить знамя досады, было признаком слабости. А чародею, как никому другому было ведомо, что слабость удел добра, а добро прямой путь к поражению. И, если колдун мог себе позволить проиграть в одной маленькой битве, то Темный Властелин люто ненавидел, когда призрачная удача, переходила во власть неприятеля, даже на секунду. Если маг проявит снисхождение сейчас – не сносить ему головы перед Его Темнейством в будущем.

Парочка уже было, облегченно вздохнула, надеясь, что Милорд смягчится и перестанет обсыпать упреками и угрозами, но их радость была преждевременной. Чародей заговорил, и его тон не предвещал ничего путного.

– Вы только посмотрите на них! Какие умницы! Они, видите ли, нашли, наконец! – с сарказмом процедил он, стараясь придать речи оттенок негодования. – Что-то я не слышу твердости в твоём голосе, Табора! Может, ты лжешь, или вы опять оплошали? А ваша очередная находка, не более, чем пустая трата ресурсов?

– Не сомневайтесь, Милорд! Мы следовали указаниям Его Темнейшества! Все сходится! На этот раз ошибки исключены! Шестнадцать лет, потраченных на поиски, не были напрасны! Не скрою, мы неоднократно шли по ложному пути, – внезапно вмешался в разговор Мрачный эльф. Он все так же стоял позади демонессы, мечтая убраться восвояси, но ему уже поднадоели претензии, предъявляемые магом. Этот надменный колдун, только и мог вопить, да передавать послания. А сам ни разу не покинул замок. Посмотрел бы на него Науро, если бы спесивый белоручка хоть денек потрудился в полевых условиях.

– Но на этот раз наши усилия увенчались успехом! Мы уверены... – поддержала товарища демонесса, заметив, что слова рыжего соратника не оказали должного эффекта.

В воздухе, микроскопическими пылинками, заискрились зеленые огоньки. Казалось, зал проснулся от тысячелетнего сна и еле слышно зашептал. Символы на стенах блекло вспыхнули изумрудным светом. Коротышке почудилось, что легкая вибрация охватила мраморный пол, мерцающий древними рунами. Эльф испуганно отступил, дабы сечение знаков не затронуло носки его сапог. Демоница не тронулась с места, в сердцах обругав напарника, который не только влез в разговор, но и ее подставил под удар.

Во тьме бархатного капюшона свирепо сверкнули сапфировые огни глаз. Даже стоя в отдалении от мага, гости заметили его гневный взгляд.

– Молчать!!! – взревел яростно чародей, разорвав пространство руками. Полы его мантии колыхнулись, издав жуткий неприятный шорох, словно тысячи металлических пластинок заскреблись о мраморный пол. – Да, как у тебя язык поворачивается, эльфийское отродье, сетовать на судьбу?! Мне все равно, сколько лет своей никчемной жизни ты отдал Великому поиску! Мне плевать! Ты меня прекрасно слышишь? Или мне следует прочистить тебе уши? Я погляжу у тебя и с памятью проблемы, Науро? Что же я с превеликим удовольствием освежу ее! Ты был приглашен на службу к Его Темнейшеству! В контракте не были оговорены сроки, потому, как даже глупому ворону в чертогах Магистров ведомо, что хитрые эльфы спрячут Жезл Пророчества в самый потаенный уголок Нирбисса! Ты подписал договор! Ты, Науро, согласился на условия! И теперь, ты ноешь о потраченных зря годах, которые ушли на поиски? Это твоя работа – искать! Только ты и Табора повинны в том, что совершали тысячу ошибок и не смогли найти Золотое Пламя раньше! Вы обязаны четко выполнять все пункты соглашения, а не плакаться мне в мантию!

Крик чародея сотряс гранитные стены зала, заставляя пламя свечей, боязливо подрагивать. Руны мраморного пола ядовито мерцали ярким зеленым светом, угрожая пустить трещины во все стороны, раскалывая нерушимый черный камень.

– Все невероятно просто! Вы ищите, я вам за это плачу! Его Темнейшество отправило вас на поиски и уничтожение одного несчастного Пророчества! Даже годовалый детеныш тролля справился бы с этой задачей, не пискнув на трудности!

– Так, нанял бы тролля, – проворчал эльф, но так тихо, что разгневанный колдун не услышал его.

Зато от внимания демоницы не ускользнул ропот коротышки, она шикнула, нахмурилась брови. Науро вжал голову в плечи, молясь мертвым богам, чтобы волшебник, наконец, закончил свою тираду, и не стал кидаться шаровыми молниями и прочей магической дребеденью.

Табора закатила глаза и скривила рот в усмешке, продолжая гордо стоять и стараясь не поддаваться провокациям чародея, и не отвесить подзатыльник коллеге. Она знала, что маг, может и не услышал пререканий эльфа, но зорко следит за ними из-под капюшона. Наверняка этот приспешник Темного Властелина, уже сделал соответствующие выводы, и сейчас строчит

в своей голове доклад Его Темнейшеству. А нелестные рекомендации демонице были ни к чему. В отличие от Эльфа, ей было что терять.

– Убирайтесь с глаз моих! Аудиенция завершена! Прочь отсюда! – прорычал маг, чувствуя, что его напускной гнев иссякает и вскоре, он выбьется из сил, орать на эту парочку.

В былые времена, лет сорок назад, он бы не поспешил на огненное представление и возможно, даже решился бы запустить несколько электрических разрядов, дабы припугнуть бездарных слуг. Но возраст брал свое. Магию следовало беречь для более важных дел. В его распоряжении оставались лишь примитивные эффекты для создания жуткой атмосферы, да повышенный тон.

– Ваша воля будет исполнена, Милорд, – попыталась разрядить напряженную обстановку Табора, поклонившись. – Клянусь моей жизнью, следующий наш визит будет ознаменован только благими вестями.

Чародей тихо усмехнулся. Демоница не бросала слов на ветер. Он знал, что она жаждет выплатить долг Его Темнейшеству, и не отступится, пока не выполнит миссию.

– Закончите начатое, – сухо произнес колдун, встав вполоборота к окну. – И чем скорее, тем лучше. Если вы снова потерпите неудачу, то готовьтесь к худшему. Урлоны – вам покажутся истинным милосердием, по сравнению с гневом Нашего Господина.

Табора в очередной раз склонилась в поклоне, но в ее глазах вспыхнули искорки признания. Уши же Науро дрожали, словно коротышку внезапно охватила болотная лихорадка. Эльф пытался унять тремор, но ему не удалось, в придачу стали клацать клыки, отбивая чечетку.

– Мы не подведем, Милорд. В кратчайшие сроки Пророчество будет уничтожено, – прошептала девица.

Чародей откашлялся, потер рукой подбородок, который все еще скрывался в тени, и более мягко проговорил.

– Последний шанс, Табора. Последний шанс.

Науро, нервно сглотнул слюну, накинул капюшон на голову, дабы унять дрожь ушей, и вновь сделал шаг назад, стараясь, как можно ближе стоять у входа. Табора подняла голову. Ее лицо оставалось непроницаемым, но она почувствовала, как пульс участился. Она знала, еще одна ошибка, и все для нее будет кончено.

– Благодарю за возможность реабилитироваться в глазах Его Темнейшества, Милорд.

Чародей безмолвно кивнул. Полы его мантии вновь зашуршали, отдаваясь неприятным скрежетом. Демонесса направилась к выходу.

– Прошу прощения за мою дерзость, Ваше Высочество! – внезапно протараторил Эльф.

Демоница, не дожидаясь, ответной реакции чародея, мгновенно схватила напарника за шиворот и потащила к огромным металлическим дверям с замысловатым орнаментом, сражающихся драконов. Коротышка попытался вырваться и что-то возразить. Но девица цыкнула на него и не отпускала его до тех пор, пока они не минули лабиринт коридоров замка, за ними не закрылись высокие чугунные ворота, охраняемые безмолвными монументами безобразных горгулий, и парочка не оказалась на мосту.

– Однажды твой язык доведет нас до могилы, – тяжело дыша, произнесла Табора, взглянув на башню, где багровыми бликами озарялось окно зала. Она чувствовала, что маг наблюдает за ними через хрустальное стекло, незатуманенное бархатной шторой.

– Да, ладно, что я такого сказал? – поправляя перевернутый плащ, невозмутимо прошептал эльф. – Я всего лишь извинился, – коротышка с подозрением оглядел каменных стражей, стоящих вдоль моста, пытаясь понять, подслушивают они его или нет.

– Науро, неужели ты настолько туп, что не осознаешь – каждое твое слово несет в себе опасность? Когда-нибудь твои пререкания вынудят Милорда, превратить нас в прах.

– Ага, как же! Он только угрожать может! За шестнадцать лет ни разу не сдержал обещания: скормить урлонам, бросить к оборотням, испепелить пламенем, – эльф вприпрыжку

начал скакать по базальтовой брусчатке, с каждой секундой чувствуя, как смелость вновь возвращается к нему.

– Ты прав, он мастер угроз. Но Его Темнейшество... Тот не станет нас пугать отвратительными ящерами или магией несущей гибель. Если мы провалим дело, Хозяин убьет нас, и наши души будут вечно томиться в рабстве.

– У нас всегда есть возможность сбежать и скрыться где-нибудь! – оптимизм эльфа не знал границ. – Нирбисс огромный! Неужто ты думаешь, что на Большой земле, или в Ледяных владеньях, на худой конец на Огненном архипелаге не найдется места, куда Его Темнейшество ни рискнет сунуться?

Демоница, ускорив шаг, еще раз обернулась, дабы взглянуть, на исчезающий в ночной мгле призрачный замок. Она бы с огромной радостью разорвала проклятый договор и испарилась среди просторов этого безграничного мира. Но Табора понимала, Он ее найдет, где бы она ни спряталась.

– Была б моя воля, я никогда бы сюда не возвращалась, – девица накинула капюшон, скрыв под шерстяной тканью, длинные смоляные волосы.

– Полностью согласен с тобой!!! – проворчал эльф. – Я временами начинаю жалеть, что связался с этим безумцем. Чертов контракт! Впрочем, перспектива сбежать все же выглядит весьма заманчиво.

Демонесса покачала головой. Вечно Науру жалуется на судьбу. Он хотя бы добровольно подписался на это дело, а вот у Таборы не было выбора. Ее вынудили в обмен на...

– Временами Его Высочество напоминает тебя, звезда моя! – оторвал от размышлений девушку эльф.

Демоница с досадой глянула на напарника, который вернул себе озорное расположение духа и намеревался, как и прежде, подшучивать над ней. Табора, поехала от ледяного ветра и громкого шума реки, простирающейся в глубине бездонной пропасти, через которую простирался мост. Скорее бы исчезнуть отсюда и на время забыть о Его Темнейшестве, и о его верном адепте.

– Ты неисправим, но я не в настроении сейчас гоняться за тобой, чтобы отвесить туманов, – устало произнесла она, покачав головой.

Демонесса взглянула вперед и с удовлетворением отметила, что базальтовая переправа подходила к концу. А это означало – еще немного и она сможет использовать магию. Нужно было немедленно убраться из этого жуткого места, от которого, у нее временами, бешенно колотилось сердце, и кожу покрывали холодные мурашки. Никакого замка, никаких зловещих скульптур! Переместиться, как можно дальше от ненависти Его Темнейшества! Как можно дальше от беспросветного Мрака и угнетающего Зла!

– Эх, в отпуск бы... На солнышко... – эльф мечтательно закрыл глаза, ступая с моста на гладкий серый камень. Граница проклятых земель была позади! Табора насмешливо фыркнула, оглядывая мертвое плато, обрамленное грядой зубчатых гор, над которыми нависало бархатное ночное небо, усыпанное миллионами ярких звезд.

– Солнышко ему подавай! Что нам действительно нужно в данную минуту – это свалить отсюда, пока еще живы! Отойди!

Эльф разочарованно вздохнул и отступил от демоницы на несколько шагов, глядя, как та, шепча себе что-то под нос и жестикулируя руками, открывает магический портал в другую часть Нирбисса. В место, которое было ничуть не лучше, чем этот жуткий замок. Они отправились в Мендарв, где их смерти возжелают не два ополоумевших чародея, а абсолютно все жители человеческого государства.

Темная Дубрава изумрудным океаном раскинулась по пологим холмам, упираясь могучими кронами в линию горизонта. У самой окраины леса, на островке, много столетий назад

возникшем посреди реки Зарница, каменным стражем возвышался кирпично-красный замок барона Данкоса. Сооружение окружал глубокий природный ров, где водяные курочки и белоснежные лебеди обустроили гнезда, да массивная пятнадцатиметровая крепостная стена со сторожевыми башнями и узкими бойницами. Остров был соединен с землями феодала крепким деревянным мостом, который в случае нападения врагов, незамедлительно подвергся сожжению, а обитатели крепости могли спокойно прозябать несколько месяцев в осажденном замке, не опасаясь за свою жизнь. Помимо основного здания, во дворе, окруженном крепостной стеной, находились жилища прислуги, кузница, конюшня, склады с оружием да припасами и небольшой плац для народных собраний и военных подготовок. Сам замок, мог вместить в себя приличное количество гостей. Здесь было около двух десятков спален, зал для приемов, столовая, часовня, кабинет, помещения для рыцарских тренировок, купальня и даже клуатр с небольшим садом и фонтаном. Это многовековое здание могло послужить надежным убежищем в случае войны, как для феодала, так и для его подданных.

Такие меры предосторожности не были прихотью барона. Его обитель находилась неподалёку от границы Круана, а это означало, что всегда приходилось быть начеку. Эльфы не страшны людям. Но Большая земля являлась ареалом других отвратительных существ, которые наверняка жаждали проникнуть во владения людей.

Вокруг замка, на двух берегах Зарницы, раскинулись поля и луга, принадлежавшие феодалу, но отданные в аренду крестьянам, живущим в близлежащей деревушке, и в других поселениях, что простирались дальше, вглубь страны.

Дубки представляли собой станицу из шестидесяти изб, нескольких амбаров, стойл для скота, рыночной площади с немногочисленными лавками местных мастеров и фермеров, таверны, с заурядным названием "Дубовый лист", водяной мельницы, кузни, где чинили и изготавливали исключительно сельскохозяйственные инструменты, и кладбища со святилищем Тарумона Милосердного. Село находилось в ложбине между Темной Дубравой и погостом, в том месте, где Зарница, перескакивая с камня на камень, теряла глубину и позволяла сельчанам преспокойно пересекать ее прозрачные воды, не пользуясь ивовым мостом, возведенным на окраине деревушки.

Жители Дубков, не страшились соседствовать с Большой Землей. Они свято верили, что стена, возведенная на рубеже государств, солдаты барона, благословение Тарумона Милосердного да храмовники в силах защитить владения от вторжения нелюдей, которые крайне редко отваживались пересекать границу, находящуюся в Темной Дубраве. Деревня и замок жили в обычном ритме, как и много лет до этого, не беспокоясь ни об эльфах, ни о чародеях, а уж тем более ни о троллях и демонах.

Златовласая девочка, лет шестнадцати, сидела на шелковистой траве луга, простирающегося за околицей Дубков, и звонко смеялась, глядя на спорящих братьев. Ее большие серозеленые глаза жмурились, при каждом приступе смеха, обещая вскоре пустить слезу.

Кор сердито нахмурил брови и вскочил на ноги, его светлые волосы были взъерошены, а ноздри смешно раздувались от гнева. Он с негодованием смотрел то на сестрицу, то на брата, который тоже тихо хихикал, время от времени пожевывая травинку.

– Вам смешно? А я ничего забавного в этом не вижу! Это не шутка! Я хочу быть Странником! Вот вырасту, и тогда я стану хохотать, когда вы будете умирать от зависти, глядя на мои острые градовские клинки и бурый королевский плащ, развевающийся по ветру!

Ребекка прикрыла рот ладошкой, пытаясь сдержать смех, но все без толку. Она не могла остановиться. Девочка смеялась до тех пор, пока на ее щеках не выступил румянец, и слезы не брызнули из глаз, оставаясь на ресницах каплями росы.

– Ага! Умрем, как же! Непременно укутаемся в такие же плащи и сложим кинжалы на груди! Тоже мне Странник! Пустозвон! – произнес темноволосый Тор, которому посчастливи-

лось избавиться от власти смеха, но не удалось согнать тень улыбки с лица. – Сестренка, наш Кор размечтался? Взгляни на себя! Да, кто ж тебя в Странники возьмет?

Светловолосый юноша, побагровев от негодования, сдул со лба непослушную прядь. Его руки сжались в кулаки. Он угрожающе шагнул в сторону, сидящего на траве, брата.

– А это мы еще поглядим, кто из нас прав! Возьмут меня, возьмут! С руками и ногами! И я увижу Большую Землю! А вы, локти кусать будете, когда я поступлю на службу к королю!

– Это кто же локти кусать будет? – перестав улыбаться, поинтересовался Тор, и, вскочив с земли, тоже сделал шаг навстречу задаваке. – Сейчас как дам!

Кор весь напрягся, но отступать не собирался. Ему не впервой приходилось затеивать драку с братом. Еще один синяк не пугал его. Он, не задумываясь, наградил бы Тора таким же.

– Попробуй! Сам получишь не меньше моего!

– Эй, эй, эй! Прекратите! – заметив растущее напряжение, воскликнула Ребекка, поднявшись на ноги.

Ее зеленое ситцевое платье, с развивающимися широкими манжетами рукавов и подолом, доходящим до щиколотки, успело подхватить несколько луговых травинок, и теперь его край, обрамлял замысловатый узор, напоминающий загадочную письменность. Девочка встала между братьями, раскинув руки, дабы не дать озорникам в очередной раз сцепиться из-за пустяка.

– Вы нашли прекрасный повод для ссоры! Всегда успеете, друг друга в пыли извалить! Хватит проказничать и разыгрывать петушинные бои! Уже смеркается, нам домой пора.

Братья насупились, глядя исподлобья, но перечить старшей сестре не стали. Она и сама могла им отвесить звонкую пощечину или отрезвляющий подзатыльник. А драться с девочками – не мужское дело.

– Домой? Не рано ли? – нарушил паузу Кор. – Мы сегодня не станем ждать Годфри?

Ребекка, покачав головой, посмотрела с усмешкой на брата. “Вот хитрец!!! Хватается за любую возможность, лишь бы не возвращаться к домашним хлопотам. А ведь знает, что дел у нас невпроворот. Отцу помочь надо, да и мать наверняка испекла свежий хлеб и приготовила жаркое из утки, а теперь, дожидается нас к ужину”.

– Сегодня Годфри занят, у него дел полно. Даже у сына барона есть обязанности, – прекратив грезить о еде, произнесла девочка.

– Не знал бы, что он отпрыск знатного господина, ни разу бы не подумал, что Годфри дворянин, – протянул Тор, глянув в сторону замка, возвышающегося на окраине дубового леса.

– То, что он водит дружбу с нами, простолюдинами, не отменяет его аристократических корней, – отметила златовласка.

– Вот кого уж точно примут в отряд Странников, – мечтательно протянул Кор и тяжело вздохнул.

Ребекка покачала головой и погладила брата по соломенным волосам.

– Не беспокойся, фермеров тоже берут в армию короля. Особенно, если они обладают талантом к воинскому делу. Вы с Годфри с пеленок жадете этого, значит и его, и тебя непременно примут в ряды Странников, – улынулась она.

Тор хмыкнул, но на этот раз не стал подшучивать над братом. Когда разговор шел о Годфри, мальчик предпочитал сохранять нейтралитет. Сын барона был верным другом и тоже желал стать тайным агентом разведывательной службы Мендарва. В простонародье шпионов именовали Странниками, которым суждено было: либо нести секретный дозор в государстве людей, или же собирать важные сведения на Большой земле.

– Ну, хватит разглагольствовать! Нам действительно пора домой. Родители заждались, и ужин наверняка уже остыл, – вновь завела ту же песню девушка. Она хитро взглянула на близнецов, застывших на месте. – Кто первый добежит до хижины, тому завтра достанется место на козлах! – воскликнула она и ринулась по тропинке, ведущей к деревне.

Тор бросился за ней вслед, громко покрикивая:

– Э-ге-ге!!!

Возможность управлять повозкой, представлялась тому члену, кто сидел рядом с отцом во время поездки. Кор печально посмотрел на окраину леса и, тяжело вздохнув, прошептал:

– Я все равно стану Странником! Чего бы мне это не стоило!

Мальчик не спеша стал спускаться с пригорка, наблюдая за братом и сестрой, почти достигших плетеной ивовой ограды Дубков, за которой виднелись бревенчатые избы с камышовыми крышами. Выиграть гонку, ему было не суждено, слишком большим был разрыв. Ничего, в следующий раз он покажет им, кто здесь быстрее и выносливей.

Сны...Отрывки прошлого, надежды будущего... Символизируют ли они пророчество? Или несут пугающее знаменье непроглядной пустоты... А может это, лишь портал в таинственные измерения, сулящий новые открытия и приключения? То пестрые, то удивительные, то пруд тоски и пропасть мрака... Сновидения, манящие, словно ароматные яства, соблазняющие остаться в этом иллюзорном мире. Но временами, сны, перетекающие в кошмары, заставляют пуститься прочь галопом, подобно гнедому жеребцу, испуганному присутствием хищного зверя. Прочь! Прочь! От омерзительного ужаса! Очнуться и уразуметь, что происходящие события – пустые грезы!

Почти всегда один и тот же сон.

Она неподвижно стояла прозрачной тенью, у самого края обрывистого берега, обдуваемого свирепыми ветрами. Внизу, черной бездной, разъяренно бушевало море. исполинские валы с ненавистью набрасывались на крутой утес из песочного камня, разбиваясь на миллионы ледяных брызг. Гневно шипя, вода уходила обратно в морскую глубь, но лишь для того, чтобы вновь набраться сил и с неистовством ринуться в бессмысленную битву с безжизненной скалой, презрительно взирающей с высоты.

Она молча прибывала в терпеливом ожидании, зная – Он явится. Как и прежде...

Свинцовые тучи тяжелыми гроздьями нависали над угольным морем и желтой безжизненной землей, жадная утопить этот, погрязший в пороке мир, обрушив на него сокрушительный бесконечный ливень. Мелкий и колючий дождь беспощадно моросил, обжигая холодными каплями непокрытую кожу лица и рук.

Она усердно куталась в плотный серый плащ, но шквалистые ветра, кружащие в этом гиблом месте, не позволяли сохранить остатки тепла под шерстяной тканью. Резкие порывы свирепо рвали драп, словно им было ненавистно, прячущееся под ним живое существо, которое осмелилось незвано вторгнуться во владения бессмертных стихий.

Внезапно она ощутила Его присутствие! Ей не нужны были глаза, чтобы узнать знакомый силуэт. Она чувствовала Его каждой клеточкой кожи, каждой частичкой души. Он тот, кто ее бережет, скрывает под крылом ночи от темных сил!

Она ощутила тепло его ладоней, возложенных на ее хрупкие плечи, живительное тепло, способное согреть ее продрогшее от ненастья тело. Она жаждала прижаться к Нему и почувствовать себя в безопасности. В окружение света, где нет туманного горизонта, бездны океана, ураганных ветров и страха, сковывающего душу.

– Не покидай меня, – шептали ее посиневшие от стужи губы.

Он, как и прежде... Крепко сжал ее плечи и еле слышно промолвил:

– Я вечно в твоих снах останусь...

Она почувствовала, как сердце сжалось маленькой улиткой, прячущейся в раковине от прикосновений кончиков пальцев. Как и прежде, в сотнях сновидений, она пыталась обернуться, дабы узреть его лицо...

Неожиданный остервенелый шквал ветра, вырвал ее невесомое тело из теплых объятий. Она осенним листком, подхваченным порывами воздуха, неслась над бездонным кипящим от

ялости океаном. Ледяной омут все ближе и ближе! И вот уже волны сомкнулись над головой пастью морского чудовища. Они, опутав прочными сетями, затягивали в беспросветную глубину. Еще немного, и коварная пучина, обездвижит тело, наполнит легкие водой и погребет на сумрачном дне забвения. Нет! Нет! Как и прежде, она не станет добычей Темноликой. Рывок! Еще один! Руки немели от холода, и казалось, что не осталось сил и скоро легкие взорвутся от нехватки кислорода. Лживые происки Мрака! Поверхность – близко! Еще немного!

Призрачная пучина с оглушительным ревом отпустила ее. Она, как и прежде, жадно глотала воздух и благодарила угрюмое небо, что не позволило ей утонуть. Морская вода жгла глаза кислотой, извергаемой драконом. Но боль ничто! Она – жива!

– Не покидай меня! – воскликнула она истошно, взирая на крутой утес.

Как и прежде, ей было ведомо, чем кончится, сей мучительный кошмар.

– Я навсегда останусь в сновиденьях, – донес лишь ветер тихие слова.

Она, сжимая губы, созерцала берег, где несколько минут назад стояла рядом с Ним. Как и прежде... Его длинный плащ, крыльями ворона, колыхался на неистовом ветру. И там, где ее тело терпело муки хлада – была Другая, насмешливо глядящая в пучину вод. Черноволосая колдунья с холодными глазами, укравшими оттенки морских волн. Ее темные курчавые пряди обнимали Его, словно змеи. Ведьма неспешно подобрала подол фиолетового бархатного платья и увела Заступника в туман.

– Не покидай меня, – прошептала она, чуть не плача.

– Я вечно в твоих снах останусь, – пропело эхо, как и прежде...

Ребекка испуганно открыла глаза. На ее губах оставался солоноватый вкус морской воды, а тело покрылось холодным потом, пропитавшим ночную сорочку, будто девушка действительно, только что, вынырнула из глубин океана. Она, полностью не избавившись от паутины сна, все еще ощущала отвратительное прикосновение ледяных волн. Златовласка постаралась выровнять дыхание и успокоить сердце, которое билось в таком бешеном ритме, что казалось, еще немного, и оно выскочит из груди и умчится прочь через приоткрытое окно.

«Это всего лишь сон! Глупый, повторяющийся сон! Не существует ни таинственного Заступника, ни черноволосой ведьмы! Глупый кошмар! Не стану я забивать себе голову чепухой! У меня предостаточно дел, куда более важных», девочка уверенно откинула тонкое шерстяное покрывало и встала с постели.

Не затворенное оконце остудило за ночь комнату. Ребекка в полной мере ощутила утреннюю свежесть, когда мокрая холодная сорочка, прилипшая к телу, вызвала дрожь. Спешно скинув с себя ночную рубашку, златовласка облачилась в длинное темно-синее ситцевое платье с широкими свободными рукавами. Почувствовав, что неприятный озноб почти отступил, она сладко зевнула, прикрывая рот рукой. Подойдя к окну, Ребекка распахнула его шире и выглянула наружу.

Огненно-красный диск солнца только показался из-за линии горизонта. Первые несмелые лучи окрасили небо в бледно-розовые тона и покрыли рыжими пятнами плотную листву Темной Дубравы. Редкие перистые облака растеклись по небосводу густыми сливочными мазками. Они лениво плыли на юг, вальяжно подгоняемые сонным ветерком.

Несмотря на рассветный час, на деревенской улице уже сновали крестьяне, собираясь приступить к работе. Соседские мальчишки вели под уздцы старую пегую лошадку, которой сегодня предстояло отправиться либо в поле, либо на мельницу, дабы к вечеру вернуться, таща за собой телегу, груженную овощами или мешками с мукой. Пустые повозки, запряженные волами или крепкими пони, разъезжались от Дубков в разные стороны. Сельчане даром встали спозаранку. Нужно было успеть подготовиться к завтрашнему дню! К Великому дню – ежегодной большой Ярмарке в Форге. Еще на прошлой неделе фермеры, скотоводы и ремес-

ленники уплатили дань барону, и теперь все, что осталось в их распоряжении, они намеревались выгодно сбыть на королевской площади.

Ярмарка была не заурядным базарным днем, а настоящим праздником для жителей государства людей. Именно в этот день Большой Мендарвский тракт, берущий начало на границе с Круаном, открывал заставу, а порт Форга разрешал входить в гавани иноземным судам, приветствуя купцов со всего Нирбисса. Торговцы с Большой земли стекались в столицу, привозя с собой множество диковинных вещей, которые можно было приобрести только раз в году в Великий Торговый день. Естественно, весь товар и сами купцы подвергались тщательной проверке. Упаси Тарумон Милосердный, кому-нибудь из коммерсантов оказаться нелюдем, или того хуже, попытаться тайно пронести магический предмет! Пограничная стража, храмовники и соглядатаи короля тщательно следили за чужеземцами, досматривая их с головы до ног и изучая каждый сантиметр повозки или фургона, в котором хранился товар. Провинившихся тут же разворачивали обратно, а купцам, смиренно следующим букве закона, желали доброго пути да удачных торговых сделок.

В этот день в Форг также прибывал люд со всего Мендарва, даже с самых отдаленных уголков. Кто-то жаждал удачно продать залежи, кто-то прикупить обновку, а кому-то не терпелось повеселиться от души. Ведь Ярмарка подразумевала не только рыночные отношения, но и приятное времяпрепровождение.

Факиры давали представления, конкурируя то с потешными скоморохами, то со сладко-голосыми менестрелями. Звуки лютни, флейты, бубна и даже арфы раздавались повсюду. А какой дивный аромат вился над центральной площадью! Мясные и овощные пироги, покрывались золотистой корочкой на раскаленных жаровнях! Тушки барашков и куропаток румянились на вертелах, заставляя истекать слюной всяк и каждого! Пряный эль и молодое янтарное вино лилось рекой, оседая в толстом брюхе вельмож и плоском животе фермеров. Пиршество затягивалось до самого утра! В этот день, даже адепты храма Тарумона Милосердного, забывали о своих проповедях и грешили яствами да хмельными напитками. Ярмарка была истинным праздником для всех обитателей Мендарва от вездесущих попрошайек в рваных лохмотьях до напыщенных аристократов в бархатных камзолах и шелковых платьях.

Ребекка потеряла руки от прохлады и печально вздохнула, вспомнив, как Кор говорил о том, что однажды он оставит государство людей и отправится путешествовать по землям Нирбисса. Златовласка и мечтать не могла о таком. Женщинам разрешалось покидать Мендарв лишь в двух случаях: война или же если они приходились дочерьми и женами купцов. Ни один из перечисленных вариантов, не был приемлем для девочки, которая жаждала, хоть одним глазком взглянуть на загадочную Большую Землю.

«И почему только мужчинам дозволено делать все что угодно? Они могут путешествовать, драться на турнирах, ходит под парусами, вести торговлю», с досадой подумала она и задумчиво взглянула в сторону Дубравы, где на самом горизонте яркой зеленой полосой виднелся рубеж, за которым начинались владения Эльфов.

Шестнадцать лет назад родители Ребекки прибыли в страну людей с Большой Земли, купили дом и завели хозяйство. Во владениях барона Данкоса жило много чужеземцев, которые предпочли тихие просторы Мендарва, вечным распрям и диковинным событиям, происходящим в остальной части Нирбисса. Приезд семейной четы с младенцем, ни у кого не вызвал удивления, а тем более подозрения. Супружеская пара оказалась весьма добродушной и приятной. Артур и Аэлтэ мгновенно подружились с сельчанами Дубков. И вскоре, их стали принимать за своих.

Но как бы не относились жители деревни к родителям, златовласка знала и помнила, откуда они родом. Она частенько донимала мать просьбами рассказать о Большой Земле. Та, с нескрываемым удовольствием, придавалась воспоминаниям. Она начинала говорить о мистическом Дрите, где среди ветвей вековых древ живут удивительные существа, охраняющие

сельву. О Крое – обиталище трусливых и весьма пакостливых гоблинов. О Дамдо – горном государстве гномов. Об озере Искус, где воды, подобны розовому алмазу в часы рассвета и горному хрусталу на закате. О Морене – столицы Круана и о злобных тварях, таящихся в Северных горах. Чудесные повествования касались и стран, и их обитателей, но никогда не затрагивали причину переезда семьи Лангрена в Мендарв. Каждый раз мать искусно меняла тему разговора, пытаясь избежать расспросов.

Сказания Аэлтэ не только засели в голове у девчушки, но также пробудили жажду путешествий у Кора. Брат грезил о странствиях по Нирбиссу, населенному магами да нелюдями.

Ребекка тоже мечтала о Большой Земле, но понимала, что вряд ли ей выпадет шанс покинуть родной край. Только если удастся сбежать и никогда не возвращаться! Но на такой опрометчивый шаг она бы никогда не решилась. Королевская стража и адепты ордена зорко охраняли Дозорную тропу. Попадись она на побеге, то не миновать ей костра или виселицы. Был еще один вариант, выйти замуж за купца. Но девочку в дрожь бросало от мысли, что ради мечты придется идти под венец с нелюбимым человеком. Да к тому же торговцы Мендарва в основном были зрелыми мужчинами, годящимися Ребекки в отцы. Нет, она не желала думать о замужестве.

В Дубках и в замке, не было для нее пары, если не считать солдат и Годфри. Ни Артур, ни Аэлтэ не отдадут дочь за грубого вояку, даже если тот предложит приличный выкуп. А Годфри? Вряд ли барон Данкос пожелает, чтобы его сын женился на простолюдинке, пусть и прехорошенькой. Были еще деревушки в угодьях, где родители могли поискать жениха для златовласки, но они не торопились отпускать чадо из лона семьи, и Ребекка старалась не заводить тему о браке.

Златовласка покачала головой, отогнав от себя тревожные мысли и спешно затворив окно, вышла из комнаты.

Во дворе уже вовсю суетился отец, облаченный в белую льняную рубаху, коричневый шерстяной жилет, перевязанный на груди тонким шнурком и серые брюки из овечьей пряжи. На его ногах красовались добротные сапоги, которые он надевал только во время сельскохозяйственных работ. Отец погружал в старенькую телегу огромные полевые корзины для овощей, что предстояло наполнить до вечера, дабы завтра, продать на Ярмарке.

Артур был загорелым мужчиной среднего роста с широкими плечами и крепким телосложением. Его темные коротко стриженные волосы и аккуратную бородку уже прорезала серебряная нить первой седины. Фермеру было чуть больше сорока, но на его лице кое-где уже пролегли глубокие морщины: на лбу, на переносице, в уголках рта и у темно-карих глаз. Супруга фермера Лангрена тоже находилась во дворе. Она, подоткнув подол длинного передника под пояс, словно королевская экономка, стояла рядом с телегой в длинном сером платье и заботливо укладывала в ворох сена котомки с едой да фляги с водой и молоком – обед, которым суждено было подкрепиться ее мужу и детям во время передышки в поле.

Аэлтэ – мать Ребекки, Кора и Тора, была выше супруга на пол головы. Она обладала тонким станом, не присущим крестьянским женщинам. Ее лучистые каштановые волосы, редко спадали водопадом на плечи, они, как и всегда были собраны под бледно голубой чепчик, и лишь несколько прядей юркими змейками проглядывали на лбу и шее. Кожа оливкового цвета, казалось, мерцала на солнечном свете. Лицо Аэлтэ было гладким и бархатистым, словно возраст не коснулся ее, хотя она была ни на много младше Артура. О прожитых годах лишь напоминали светлые древесные глаза, в которых поселилась мудрость и необъятные знания.

Ребекка невольно улыбнулась, глядя на родителей, которые тихо переговаривались между собой, то и дело, подшучивая друг над другом. Как же она их любила!

Артур и Аэлтэ Лангрены были небогатыми, но живущими в достатке фермерами. Поле, арендованное у барона Данкоса, занимался Артур. Он пахал землю, сеял пшеницу, сажал картофель, репу и морковь, ухаживал за несколькими фруктовыми деревьями, растущими рядом

с домом. Дети с огромной радостью спешили помочь отцу: и во время посева, и прополки, и в пору сбора урожая.

Аэлтэ же, занималась домашним хозяйством, следила за коровой и птицей, убиралась по дому, готовила и стирала. А также обучала сыновей и дочь грамоте. Чаще всего Ребекка оставалась дома помогать матери, когда Артур с близнецами отправлялись на полевые работы. Но при каждом удобном случае она норовила напроситься в поездку с мужчинами. И дело было не в том, что она обожала вырывать сорняки или окучивать кусты картофеля. Нет! Удел находился у самой границы Темной Дубравы, которая притягивала златовласку, словно магнит.

Сегодня был тот самый день, когда предстояло отправиться в поле почти всему семейству, кроме Аэлтэ. Она, как и прежде намеревалась остаться дома: приготовить ужин, подоить корову, да собрать провизию для поездки в Форг.

– Доброе утро! – звонко поприветствовала родителей девочка, оглядывая двор.

Аэлтэ и Артур, улыбнувшись, кивнули дочери, но не прекратили заниматься делами. Нужно было успеть все закончить до завтрака.

– А где эти два бездельника? – поинтересовалась Ребекка, заметив, что братьев нигде не видно. – Ты, опять им разрешила поспать подольше? – с укором она посмотрела на мать, которая виновато улыбнулась.

Аэлтэ постоянно делала сыновьям поблажки. Ребекка не одобряла мягкость матери в этом вопросе. Мальчишки нагло пользовались снисхождением и порой не только ленились, но и капризничали, когда им в чем-то отказывали. Златовласка относилась ревностно к такому проявлению материнской заботы со стороны Аэлтэ и терпеть не могла, когда братья стремились и у нее выпросить послабление. А с каждым днем это происходило все чаще и чаще.

Тор и Кор были близнецами. Аэлтэ помнила, как тяжело выносила их, и чуть не потеряла во время родов. Мальчики родились недоношенными и немощными. Аэлтэ сковывал ужас, когда в ее голове мелькала мысль, что близнецы не выживут. Но к счастью, ее любовь и забота совершили чудо. Женщине удалось выходить своих слабых новорожденных детей, несмотря на то, что повитуха и местная знахарка, ей изначально твердили, что такие болезненные младенцы вероятнее всего отправятся в сакральные покои Темноликой. Невзирая на неутешительные прогнозы, Аэлтэ посчастливилось выиграть этот бой у Собирательницы душ. Возможно, поэтому она и прощала мальчишкам шалости, постоянно балуя их.

Братья, хоть и родились в один день, совсем не походили друг на друга. Белокурый Кор с большими небесно-голубыми глазами, чей взгляд постоянно был устремлен за горизонты Темной Дубравы, обладал твердым, но временами вспыльчивым характером. В его голове роем кружились мысли о том, что как только ему стукнет двадцать лет, он тут же отправится во дворец на службу к королю, а затем на Большую землю, туда, где его ждут долгие путешествия и приключения. До долгожданного момента оставалось целых шесть лет, и Кор считал эти дни, выводя черным угольком на обрывке пожелтевшего пергамента цифры. Нередко, в его светлую голову заползали думы о том, как за него будут переживать родные. Ведь стань он Странником, ему волей неволей придется посетить враждебные страны. Хотя, что там враждебного? Кучка эльфов, да оборотней и тройка чародеев?

Частенько у Тора с Кором возникали конфликты, касающиеся королевской службы. Порой споры заканчивались дракой, но впоследствии братья мирились. Вот только стоило минут несколько дням и все повторялось заново: шутки, ссоры, потасовки.

Темноволосый и кареглазый Тор, был копией Артура. Он до безумия любил Мендарв, почитал писание Тарумона Милосердного и был настроен неблагоприятно к нелюдям и магическим штучкам. Он не стремился постичь тайны чужих земель. Его вообще не интересовала та часть Нирбисса, где обитала всякая нечисть. Мальчик мечтал до конца своих дней прожить в Дубках, занимаясь фермерством, как и отец. Его устраивала тихая и беззаботная жизнь. Он пользовался успехом у деревенских ребятишек и был заводилой в играх. Тор любил подшу-

чивать над сестрицей и братом. В его кудрявой голове редко блуждали серьезные мысли. А, если такие и закрадывались, он тут же гнал их прочь. Вообще он был заурядным озорником, лишенный какого-либо рвения становиться героем, который жаждет изнуряющих битв с драконами и мечтает спасти принцесс из высоких неприступных башен.

– Мам, ты сама разбудишь Тора и Кора или мне это сделать? – поинтересовалась Ребекка. Она не сводила взгляда с задумчивой Аэлтэ, у которой на губах блуждала улыбка, вызванная воспоминаниями о близнецах.

– Милая не тревожься, они уже проснулись, – мягко произнес Артур, кивнув в сторону порога дома, и вновь принялся проверять сбрую лошади.

– Доброе утро! – хором произнесли близнецы, довольно улыбаясь во весь рот. Лица их еще носили следы сна, но мальчишки уже оделись.

Ребекка подавила смешок, глядя, как Аэлте внимательно изучает сыновей.

– Так, так. Я вижу, кто-то забыл с утра умыть лицо, – произнесла неторопливо она. Улыбки моментально слетели с губ озорников, и они заговорщически переглянулись, словно между собой решали: врать матери или нет. – Даже не думайте провести меня. Быстро умываться и за стол. Завтрак ждать не будет.

Златовласка довольно хмыкнув, показала язык братьям, которые опустив головы, молча направились обратно в избу, где в сенях находилась лохань с чистой водой, да деревянный ковш.

– Пойдем, накроем на стол, – произнесла Аэлтэ, взяв Ребекку под руку. – Артур, ты еще долго? Настало время подкрепиться перед дорогой, – обратилась она к мужу. Тот кивнул и, еще раз осмотрев лошадь да повозку, направился вслед за женой и дочерью.

Бескрайняя пустошь, усеянная высокими белесыми валунами, утопала в мертвой тишине. Редкая колючая растительность и ветер затаились в испуге, дабы не привлечь внимание колдуньи Сеньи. Нет, она не могла причинить им вред, но страх перед пожирательницей энергии напрочь затмевал здравый смысл.

Милдред Битвейн, присев на корточки и подобрав полы фиолетового бархатного платья, склонилась над скелетом, обтянутым иссохшей кожей и облаченным в дорогое одеяние. Неподалеку лежал мертвый конь всадника, такой же увядший, как и его хозяин.

– Купец или гонец? – задумчиво произнесла женщина, облизав тонкие алые губы. – А впрочем, неважно.

Внезапно за спиной Милдред раздался укоризненный вздох. Ведьма неспешно поднялась на ноги и, оскалившись, развернулась к незваному гостю. В ее морских глазах, отразились искры азарта. О, как она любила сюрпризы, особенно, когда надменные глупцы намеривались застать ее врасплох. Но, как только колдунья увидела визитера, ее лицо омрачилось презрительной гримасой.

– И что от меня понадобилась Создателям или тем, кто вас гонят по свету? – недовольно процедила она.

Перед Теневой ведьмой в воздухе витала фигура. Мужчина или женщина трудно было разобрать. Обнаженное тело, отливающее голубым свечением, было почти прозрачным и покрывалось рябью.

– Два раза может отказать... – начало петь звенящим голосом создание, короткие волосы которого лазурным пламенем стремились ввысь.

– Да, да, я знаю. Не надо мне напоминать. Давай сюда послание. Я не намерена уходить от ответственности перед высшими силами. Лучше с первой попытки с этим покончить.

На лице эфирного существа застыло удивление. Обычно Призванные стремились оттянуть срок и лишь по третьему зову соглашались принять сообщение.

– Ну, что ты на меня смотришь, разумное облако, давай сюда свой свиток и лети дальше на крыльях ветра, – нетерпеливо молвила Милдред и поджала губы.

Призрачный силуэт дрогнул и под ноги ведьмы упал тонкий футляр из голубого металла.

– Теперь твой долг не нарушить клятву, а выполнить...

– Может, хватит. Я, по-твоему, что деревенщина какая-то? Я достаточно долго училась и прочла кучу книг. И знаю о вас больше, чем вы можете представить, – колдунья подняла футляр из дорожной пыли и гневно взглянула на фантомного посланника, но тот словно растворился в воздухе. А может и сам он был воздухом.

Милдред Бетвейн, открыла коробченку и вытащила тонкий пергамент, где на языке Первородных было начертано всего несколько строк. Тонкие брови Теневой колдуньи нахмурились, а ноздри зашевелились от ярости. Но, увы, повернуть время вспять женщина не могла. Придется оказать услугу Найгари, даже если ради этого суждено рискнуть собственной жизнью.

Аэлтэ возилась у плиты. Ее лицо покраснелось от жара печи, и на лбу выступили капельки пота, но женщина и не думала отрываться от дел, чтобы немного отдохнуть. Тушеный кролик с пряными травами, да сладкий картофель, запеченный в молочном соусе, требовали постоянного присмотра. Немного отвлекись, и еда подгорит. А Аэлтэ, терпеть не могла оплошности в кулинарном искусстве. До приезда в Мендарв ее познания в приготовление яств были весьма скудны, но местные хозяйки с превеликим удовольствием поделились рецептами и научили молодую чужестранку лихо справляться с кухонной утварью. Спустя шестнадцать лет Аэлтэ могла конкурировать в приготовление изысканных блюд даже с королевским поваром.

Женщина взяла ухват и мастерски поддев горшок с картофелем, вытащила его из печи. Она аккуратно опустила чан с ароматно пахнущим кушаньем на металлическую поверхность рядом с плитой и улыбнулась. Часть ужина готова.

Прислонив ухват к стене, Аэлтэ опустилась на небольшую скамью, подле кухонного стола, и убрала со лба, выбившуюся из-под чепчика, прядь. Она устала. В последнее время силы, покидали ее с невероятной скоростью. Ей был ведом способ, как восстановить энергетический баланс организма, но к сожалению женщина не могла воспользоваться им. Слишком опасно.

В Мендарве, под страхом смертной казни, была запрещена магия, как и любая другая связь с чародеями. Король, а до него его отец, и его прадед, и прапрадед чтили закон беспрекословно. Немало отщепенцев, отважившихся пренебречь вековыми догмами, сложило головы на плахе. Храмовники и королевские солдаты, то и дело отыскивали правонарушителей и предавали их огню либо виселице. Костры ярким пламенем взвивались на площадях, тела раскачивались на прочных веревках, а ликующая толпа удовлетворено лицезрела последние мучения отступников.

Никому не было ведомо, каким образом ищейкам короля удавалось обнаружить сведения о волшебстве и его приверженцах. Хотя многие догадывались, что последние двадцать лет, церковники находят еретиков при помощи пресловутых медальонов, которые изобрели Верховные жрецы.

С нелюдями было куда проще. Сами жители отлавливали чужеземцев и волокли к страже или же линчевали на месте незваных визитеров. Но обладателей магической силы, мирянам было непросто отличить от обычного человека. Распознать волшебника в соседу-аптекаре или же в знатной даме, увлекающейся цветами, было невозможно.

Среди народа ходила боязливая молва, что два капеллана, возглавляющие орден, сами являются чародеями. Но большинство жителей предпочитало думать, что священнослужители наделенные благословением Тарумона Милосердного всего лишь могут видеть темный ореол вокруг чернокнижников, продавших душу демоническому искусству. Но каковы бы не были слухи и предположения, граждане страны людей, не горели желанием совать нос в высшую

политику и церковный уклад, копаясь в религиозных тонкостях и, тем более, не связываться с волшебниками.

Аэлтэ было чего опасаться. Она знала, что рано или поздно, кто-то догадается, кто она такая или пронюхает про Жезл Пророчества. Женщина всячески старалась избегать магии, которой она не владела, но носила в себе.

Она тяжело вздохнула, взглянув в маленькое кухонное оконце, распахнутое настежь. Почти рядом со стеной дома росла груша. Ее ветви согнулись от тяжести зреющих плодов. Если бы Аэлтэ могла прикоснуться к ее листве или же обнять ствол... Слабость бы ушла, и силы потекли бы в нее бурным ручьем. Но она не осмелится на такой шаг! Вероятность, что враги учуют еле заметное присутствие волшебства – велико! Да и помимо мendarвских ищеек, на Нирбиссе обитали неприятели куда страшнее, чем тщеславные храмовники.

От раздумий женщину отвлек стук во входную дверь. Она удивленно вздернула брови. Супруг с детьми не мог так рано вернуться! Скорее всего, это кто-то из соседских кумушек, решил перемолвиться словцом или же одолжить горсть муки. Аэлтэ поднялась со скамьи, поправила фартук и чепчик и отправилась открывать дверь незваному гостю.

На пороге стояла женщина в сером потрепанном плаще, на котором кое-где даже виднелись заплатки. Капюшон был натянут на голову, и скрывал лицо, из-под ткани лишь торчали длинные смоляные пряди волос. Вначале Аэлтэ приняла незнакомку за нищенку.

Попрошайки в преддверии Ярмарки наводнили весь Мendarв. Они, подобно крысам, выбирались из потайных нор и канализационных стоков, в которых прозябали весь год, и начинали странствовать по городам и селам, в надежде набить живот съестными подаяниями и пополнить свой ветхий гардероб обновками.

Оборванка подняла голову и взглянула на Аэлтэ большими карими глазами. Женщина побледнела и, почувствовав слабость в ногах, схватилась за дверной косяк.

– Ну, здравствуй, Тара, – тихо произнесла гостя и иронично улыбнулась, глядя на растерянное лицо хозяйки дома. – Ты меняпустишь или мы станем вести беседы здесь, на виду у всех жителей деревушки?

Аэлтэ безмолвно пропустила незванку в дом, а затем, оглядев окрестности, нет ли вблизи любопытных соглядатаев, и убедившись, что таинственный визитер не привлек внимания сельчан, закрыла дверь.

– Что ты здесь ищешь, Табора? – произнесла Аэлтэ, глядя на демоницу, которая скинула капюшон и обнажила маленькие рога. Гостя беззаботно расположилась на дубовой скамье возле кухонного стола и, сверкая глазами, ухмылялась.

– Тот же вопрос я могу задать тебе, – непринужденно произнесла девица, приносиваясь к чему-то. – Не желаешь проявить гостеприимство и угостить меня обедом?

Аэлтэ нахмурила брови, подошла к деревянному буфету, и, достав оттуда глиняную миску, наполнила ее картофелем. Затем она вытащила из печи кролика, и доложила к гарниру несколько ломтиков ароматного мяса.

– Приятного аппетита, – сухо промолвила она, поставив тарелку и приборы перед демоницей.

– Благодарю, – опять хитро улыбнулась Табора. – Я поем и мы поговорим.

– Поторапливайся, скоро мой муж с детьми вернется. Мне бы не хотелось, чтобы они застали в доме нелюдя, – процедила Аэлтэ.

Демоница рассмеялась, взяв деревянную ложку в руку.

– Нелюдя... – проговорила она сквозь смех. – Ты, кажется, совсем позабыла о своих корнях, Тара.

Аэлтэ стиснула зубы, на ее гладком лице, на переносице пролегла еле заметная морщинка. Первая за долгое время, что она находилась в Дубках.

– Доедай, а затем выкладывай: зачем явилась ко мне в дом.

Табора кивнула и стала торопливо уплетать угощение. Уже несколько дней она не ела нормальной пищи. Пребывание в Мендарве, весьма неприятное занятие для демоницы. Еды не купишь на рынке, да и воровством промышлять опасно, можно угодить в поле зрения либо сельчан, либо солдат, либо храмовников. А погибать от вил или алебарды Табора не спешила. Единственное пропитание, которое удавалось добыть, были грибы да ягоды Темной Дубравы. Конечно, можно было рискнуть и поохотиться на зайца или куропатку, вот только сырое мясо не вызывало аппетит у демонессы, а костер мог привлечь внимание пограничных стражей.

Наконец, гостя покончила с едой и, облизнув губы, убрала тарелку в сторону. Аэлтэ, сложив руки на груди и опершись о стену, молча уставилась на демоницу, ожидая, что та начнет говорить. Табора улыбнулась в десятый раз и завела разговор:

– Спасибо за сытный обед. Ты в разы стала лучше готовить, чем прежде, – поблагодарила она хозяйку, но та даже бровью не повела, продолжая молча созерцать девицу. – Что же, я утолила голод и теперь самое время обсудить наши с тобой дела, Тара.

– Прекрати меня звать Тарой! – перебила демонессу Аэлтэ, сверкнув глазами. – Здесь в Мендарве меня именуют иначе. Я Аэлтэ. И у нас с тобой нет общих дел!

Демоница задумчиво почесала правый рог и пожала плечами.

– Аэлтэ? Как пожелаешь, – согласилась она. – Вот только насчет общих дел ты ошибаешься. У тебя есть кое-что. И это кое-что не принадлежит ни тебе, ни твоей семье. Ты должна добровольно отдать мне его.

Женщина нахмурилась, презрительно глядя на демонессу. Она отошла от стены и присела напротив нее.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – холодно промолвила она.

– Прекрасно знаешь, – ухмыльнулась Табора, рисуя пальцем на поверхности стола, какие-то невидимые знаки. – Может эти олухи Тарумона Милосердного и не догадываются, что ты хранишь столько лет, но мой нюх меня никогда не подводил. Отдай мне его, дриада, и я забуду о том, что видела тебя здесь. Никто и никогда не узнает в этой унылой деревушке, что соседствовал с нелюдем.

– Я повторю еще раз, – тон Аэлтэ зазвучал, подобно металлу, – Я ведать не ведаю, о чем ты держишь речь.

Табора покинула скамью и, приблизившись к женщине, пристально взглянула в ее древесные глаза, которые не выражали ни капли страха.

– Лгать подруге – это так не благородно, – покачала она головой. – Видят Создатели, я мечтала, чтобы мы пришли к мирному соглашению.

– Ты давно потеряла честь называться моим другом, – прошипела Аэлтэ, резко поднявшись на ноги. От неожиданности Табора отступила на шаг назад.

– Хорошо, Тара, если ты не желаешь отдавать Жезл Пророчества по доброй воле, я заберу его без твоего разрешения, – уведомила Аэлтэ девица и, накинув капюшон на голову, скрыла маленькие рожки, единственное, что могло отличить ее от обычного человека.

– Ты слишком самоуверенна, Табора, – Аэлтэ твердо направилась к входной двери и, распахнув настежь, указала жестом во двор, – Убирайся, пока я не позвала соседей. Если здесь соберется вся деревня, то ты об этом горько пожалеешь. В отличие от меня – ты вылитый нелюдь. Не думаю, что после того, как твоя личность будет раскрыта, тебе удастся хоть немного понежиться в теплых лучах солнца, сияющего над Мендарвом.

Демоница вновь загадочно улыбнулась, поправляя капюшон, и приблизилась к распахнутой двери.

– Я умру, и на мое место придут десять других. Но к твоему счастью, в мои планы не входит свидание с Темнолицкой. Поэтому сегодня я уйду ни с чем, – Табора, с еле заметной тоской в глазах, посмотрела на бывшую союзницу. – Выполни мою просьбу, дриада. Отдай мне жезл. И ты сможешь прожить долгую и спокойную жизнь в Мендарве.

Аэлтэ натянута улыбнулась и, схватив демоницу за плечо, вытолкнула ее за порог. Та, споткнувшись, чуть было не растянулась в пыли, но вовремя сохранила равновесие, опасливо держа капюшон, готовый слететь с головы.

– Миру придет конец, Табора, если исполнится Пророчество! Тебе это известно, как никому другому, – Аэлтэ покачала головой. – Ты служишь Дейре! А он люто ненавидит Нирбисс и всех его обитателей. Миру придет конец, если я выполню твою просьбу! – женщина хлопнула дверь перед демонессой. Она сжала кулаки, да так сильно, что костяшки пальцев побелели. Из ее груди вырвался немой крик, ощущаемый лишь эфирными существами.

Они нашли жезл! Тара не справилась со своей миссией! Она подвела Найгари и Археса! Дриада где-то оступилась, и слуги Тени отыскиали ее след в Мендарве! В стране, куда не сунется ни один маг, ни один тролль, ни один демон! О, как она ошибалась! Таборе удалось найти ее... А значит скоро все на этом материке прознают про “тихую гавань”.

Аэлтэ сняла чепчик и распустила длинные каштановые волосы, вьющимися змейками, рассыпавшимися по плечам. У нее разболелась голова, и ей было наплевать на осторожность. Толку дальше хранить секрет, о котором, скоро всем будет известно.

Невзирая на острую боль, женщина пыталась проанализировать сложившуюся ситуацию. Она должна была предпринять что-то, пока слуги Тени не добрались до артефакта...

– Табора, Табора, не стоило тебе появляться на моем пороге, – прошептала Аэлтэ, опускаясь на пол. – Да, простит меня Мудрый эльф за то, что мне придется совершить.

Аэлтэ прислонилась к деревянной стене и тяжело вздохнула. Демоница не отстанет от нее, пока не получит то, зачем пришла. Темная тварь, пославшая ее в Мендарв, не прекратит охоту, до тех пор, пока все препятствия на ее пути не будут уничтожены.

– A’l anuren Khaa te, – прошептала Аэлтэ, обхватив голову руками, – Храни судьба Золотое пламя, – повторила она на всеобщем языке.

Но уберечь от уничтожения Жезл Пророчества было под силу лишь чуду, а не дриаде, которая не владела волшебством, но обладала магией в крови, способной растворить ее в могуществе природы.

Темная Дубрава искрилась ярким лунным светом, отражающимся от глянцевої листвы. Вековые деревья мирно дремали под стрекот печальных сверчков, скрывающихся в высокой траве, и под уханье неугомонной совы, притаившейся в густых ветвях. Крик одинокой птицы, словно стремился предупредить кого-то об опасности. Ночной ветер уснул крепким сном, удобно устроившись в кроне огромного дуба, и до утра не собирался беспокоить, почти при- тихший лес.

На небольшой поляне, находящейся в глубине непроходимой чащи, мелькали два силуэта. Со стороны могло показаться, что там расположились на привал: невысокая женщина с толстым ребенком. А если бы любопытные свидетели подошли поближе, то их удивлению не было бы предела. В Мендарве! Да еще у самой границы, что-то затевали два нелюдя, которым каким-то чудом удалось миновать Дозорную тропу.

На ветке широкого и приземистого дуба, свесив ноги, удобно расположился кряжистый Мрачный эльф. А внизу, вокруг морщинистого ствола раздраженно расхаживала демоница. Странную парочку, по-видимому, совершенно не беспокоил тот факт, что если их обнаружат здесь, в государстве людей, то им светят огромные неприятности.

И действительно два чужеземца не волновались о том, что угодят в лапы королевским копейщикам или вездесущим храмовникам. Смерть от рук людей, была куда слаще, чем гибель от яростного взора Темного Господина.

– Табора, может, ты прекратишь ходить туда-сюда! У меня уже в глазах рябит от твоего вышагивания, – сладко потянувшись, произнёс эльф, взглянув на хмурую союзницу, которая явно прибывала в гадком расположении духа.

– Отстань, Науро! Не лезь ко мне!– зло прошипела девица, с рожками на голове, не прекращая отмерять шагами поляну.

Она зря надеялась, что коротышка оставит ее в покое. Любопытство и жажда поглотиться над спутницей, были куда важнее, нежели личное пространство Таборы.

– Не дождешься! – ехидно воскликнул эльф. – Я от тебя не отлипну, пока ты не поведаешь мне, что с тобой случилось? Ты какая-то нервная, совсем на себя не похожа.

– Естественно, не похожа! – фыркнула демоница. – Какое у меня должно быть настроение? Ты сидишь себе здесь, как король на троне! Отдыхаешь! А я должна выполнять всю грязную работу!

Науро прищурился. В его маленьких свиных глазках мелькнула тень подозрения. Он крайне негативно относился к новостям, которые доходили до него в последнюю очередь.

– Постой, постой! О чем это мы? О какой работе ты говоришь?

Табора остановилась под ветвью, на которой, полулежа, восседал эльф. Ей жутко хотелось схватить толстяка за ногу и сдернуть на землю, но она удержала свой пыл.

– Я говорю о том, что пока ты тут дрых, я навестила нашу давнюю знакомую.

Эльф клацнул клыками от удивления и нагло ухмыльнулся. Вот оно, что! Теперь ясен пень, в чем дело!

– Ну, хочу уточнить: не “нашу”, а твою знакомую. Это ты с ней по молодости дружбу водила. Я в глаза ее не видел, твою лучшую подругу! – гордо промолвил он, с удовольствием отметив, как лицо демонессы побагровело от гнева.

– Она мне не подруга... – процедила Табора сквозь зубы и, угрожающе шагнула к стволу дуба.

Науро вскочил на ноги, да так резко, что чуть не оступился и не свалился вниз. К счастью эльф вовремя успел схватиться за соседний сук и удержаться на ногах. На его лице заиграла озорная улыбка.

– Деточка, если мне не изменяет память, то ты была, не разлей вода с дриадой. Когда-то ты считала эту жительницу лесов, не то что подругой, а сестрой, – подвел итог эльф и резво вскарабкался вверх по стволу.

И весьма своевременно. Его толстый зад не успел достичь безопасного расстояния, как коротышка услышал скрежет когтей по коре ветви, на которой он только что восседал. На морщинистой поверхности дуба остались глубокие царапины, словно, кто-то острыми кинжалами сделал зарубки. Да, лучше остерегаться ногтей жителей Черного Царства, они острые, как бритва и крепкие, подобно стали.

– Не смей меня называть «деточкой»! – прошипела Табора, мечтающая разорвать эльфа на части. Вот только лезть на дерево ей совершенно не хотелось.

– Ути, какие мы нежные! Ласкового слова молвить нельзя – сразу коготки показывает, – протянул коротышка, оглядывая свое новое убежище.

Затем он вновь взглянул на демоницу, дымящуюся от ярости у подножья древа. Эльф растянул лицо в весьма пугающем оскале.

– Тебя в детстве не учили, что слабых обижать нельзя? – иронизировал он. – Твои манеры просто отвратительны!

Науро удобно устроился на верхней ветви и теперь оттуда хитро поглядывал вниз, то и дело, обнажая в улыбке внушительные желтые клыки. Он надеялся, что здесь ему ничего не грозит. А если так, то, он имеет полное право немного повеселиться.

– Послушай, клыкастый, не советую меня злить. Если ты надеешься, что я не стану гнаться за тобой по всему лесу, то ты ошибаешься...

– Я и не сомневался в твоих способностях, Табора. Только интуиция мне подсказывает, что тебя ненадолго хватит!

– Науро! Ты играешь с огнем...

– Спокойно! Без скандалов! Быстрая моя и ловкая! Не пугай меня своими магическими способностями! Мы не на Большой Земле! У нас и так проблем предостаточно, еще не хватало и здесь напороться на неприятности!

Табора гневно сверкнула глазами и ее руки сжались в кулаки.

– Философствуй, мой друг, пока у тебя есть такая возможность! Но запомни мои слова! Однажды, я поквитаюсь с тобой!

Эльф разочарованно вздохнул. Сплошные угрозы и никаких действий! Н-да, с демоницами игры скучны и недолговечны. Да и к тому же, они вообще не понимают юмора.

– Ладно, ладно. Замолкаю, тоскливое чудовище. А то вдруг ты действительно потеряешь контроль, позабыв, что мы находимся в Мендарве. Если ненароком тебе в голову придет дурацкая идея поколдовать, то предупреди меня заранее, дабы я успел удрать подальше из этих краев, населённых сумасшедшим народом, которого хлебом не корми, дай только кого-нибудь прибить.

– Науро!!!

– Молчу! – эльф, недовольно хмыкнув, улегся на ветке, повернувшись к демонессе спиной, и артистично захрапел.

– Спокойной ночи, увалень толстобрюхий! – воскликнула Табора, следуя манере напарника, и вновь заходила по поляне, что-то тихо шепча себе под нос.

Науро не мог уснуть. Разговор был не окончен.

– Она не желает отдавать жезл? И вероятнее всего, тебе даже не удалось взглянуть на него? – произнес он, даже не шелохнувшись.

Демоница остановилась и посмотрела вверх, туда, где среди листвы таилась фигура коротышки.

– Нет, – коротко ответила она.

– Не беспокойся, мы заберем его. Отыщем, если он находится в доме или узнаем, где она его прячет, – прошептал Науро и тихо засопел. На этот раз толстяк моментально погрузился в мир сновидений. Беседа была завершена, и ничто не препятствовало здоровому и крепкому сну.

Табора еле слышно вздохнула. Если бы им было известно, как выглядит Жезл Пророчества, они давно бы стянули его. Но кроме незримых человеческому глазу символов, ничто не указывало на реликвию. Проклятый предмет мог оказаться чем угодно: камнем, метлой, и даже полевой мышью. Свое глупое название он обрел не из-за того, что имел форму посоха или скипетра, его так прозвал Архес, дабы враги не отыскивали таинственную вещицу на просторах Нирбисса.

Беспокойно ухающая сова, примолкла еще во время спора, осознав, что ей не выиграть состязание в шуме, который устроили чужеземцы. И сверчки затихли, спрятав скрипки подальше от греха. Только Темная Дубрава недовольно заворчала, разбуженная недавними пререканиями незваных гостей. Она обиженно заскрипела ветвями и, зашуршала густой листвой, спугнув с широких крон стаю летучих мышей.

Глава 2

*“Тот, кто несет в дом краденого ворона,
кличет беду на свою долю.*

Дареный вестник ночи – к богатству и удаче.

Купленная птица – знаменует непредсказуемое будущее”.

Великая книга магов.

Раздел 5: Что означают те или иные вещи.

В огромной полутемной спальне, окно которой скрывала пелена тяжелых парчовых гардин, где источником света служил десяток свечей в серебряных канделябрах, стоявших на мраморной полке камина, занимающего почти всю стену, царил беспорядок, совершенно не вписывающийся в дорогое убранство комнаты. В резном деревянном кресле за круглым ильмовым столом, облаченный в белоснежный шелковый хитон, края рукавов и полы, которого обрамлял замысловатый орнамент, сидел старец с длинными угольными волосами и бородой, достигающей до пояса. Глубокие морщины покрывали его лицо, а кустистые брови нависали над глазами орехового цвета, подобно болотной осоке.

Пожилой мужчина увлеченно выводил слова на тонком и длинном пергаменте, который то и дело стремился свернуться в свиток. Старец, временами бурчал себе под нос ругательства, и свободной рукой расправлял, свернувшийся край листа. Стол был завален немислимым количеством фолиантов, книг в кожаных переплетах, стопками бумаг, исписанных витиеватым почерком. По-видимому, у хозяина комнаты не было времени разобраться с творящимся хаосом, либо его вполне устраивали бумажные баррикады.

Раздался тихий стук в дверь. Пламя свечей вздрогнуло. Мужчина за столом настолько погрузился в занятие, что не придавал никакого значения звуку. Стук вновь повторился, на этот раз он звучал громче и настойчивее. Старец продолжал заниматься своим делом, не обращая внимания на посторонний шум, словно его это совершенно не касалось.

Визитер, потеряв терпение и не дожидаясь приглашения, вошел в комнату, плотно прикрыв за собой широкую деревянную дверь, украшенную паутиной серебряных узоров.

Гость был облачен в темно-синюю бархатную мантию, шлейф которой, тихо шуршал по мраморному полу. Подойдя вплотную к столу, посетитель откинул капюшон, и длинные серебряные волосы рассыпались по плечам шелковистыми прядями, создавая резкий контраст с темной тканью одежды. Лицо гостя, словно было зеркальным отражением старца, сидящего за столом. Те же морщины, тот же разрез глаз, те же тонкие губы с опущенными уголками и те же густые брови и борода, правда, белесые, а не черные. Близнецы! Такие разные и такие схожие!

– Кхе, кхе! – прокашлялся вошедший, заметив, что на его присутствие, никто не обратил внимания. – Доброе утро, Меус! – твердый с хрипотцой голос заставил черноволосого старца оторваться от рукописей. Он поднял глаза на нарушителя спокойствия, одарив его недовольным взглядом.

– Здравствуй, Псилон!!! Прости, я немного занят. Не мог бы ты зайти попозже?

Гость холодно улыбнулся, затем осторожно взяв пергамент, который тут же свернулся в рулон, и перо из рук Меуса, отложил их в сторону. А точнее, водрузил на вершину одной из стопок, возвышающихся на столе.

– Нет, мой драгоценный брат, мы поговорим прямо здесь и сейчас, – ледяным тоном произнес Псилон и устроился в деревянном кресле, идентичном тому, в котором восседал Меус. Вот только еще секунду назад, в спальне находился лишь один такой предмет интерьера, а сейчас его двойник материализовался из воздуха и тихо поскрипывал под весом белобородого старца.

Меус нахмурил брови, глядя на брата, расположившегося рядом.

– Поджарь меня дракон! – проворчал он под нос. – Дело действительно важное, если ты врываешься без стука и отрываешь меня от государственных обязанностей! Ты даже осмелился использовать магию, прямо здесь, во дворце короля! Что тебя расстроило и вызвало беспокойство?

Чернобородый прищурил глаза, с интересом изучая непроницаемое выражение лица собеседника.

– Между прочим, я довольно долго стучал в твою обитель, – сухо промолвил Псилон, поглаживая бороду. – Но ты в последнее время так увлечен своими манускриптами, что совер-

шенно не обращаешь внимания на события, происходящие в Мендарве. Тебя абсолютно не интересует то, что творится в стране, где мы призваны хранить мир и покой. Для тебя вся вселенная уместается в этой келье, а тем временем, наш магический барьер трещит по швам.

С выдержанным спокойствием, Меус глянул на брата и пожал плечами.

– В каком месте, ты намерен наложить заплатку? – иронизировал он, – Псилон, это незримый заслон, в котором нельзя проделать брешь! Ни напильником, ни заклинанием. Никто не проникнет сюда, миновав стену. И без нашего ведома, ни одному чародею не удастся оказаться в Мендарве, при помощи врат! Они оставят след, который будет зрим и для нас и для храмовников.

Псилон усмехнулся и расправил складки бархатной мантии.

– Меус, ты наивен, словно малое дитя. Былые времена канули в лету. Да, раньше только нелюди пытались нарушить границы людского государства. Но сейчас дела обстоят иначе!

Седовласый с тоской в глазах оглядел опочивальню брата, которая походила на каморку архивариуса, нежели на покои волшебника: книги, свитки, гусиные перья и чернильницы. Даже на комод у огромной кровати с балдахинном, возвышалась стопка бумаг и письменные принадлежности.

– Мы устарели, мой дорогой брат, – печально прошептал Псилон. – А вернее сказать – устарела наша магия! Мир меняется, хотим мы того или нет. Преображаются знания, совершенствуются. Мы не настолько могущественны, как прежде. Когда мы последний раз покидали эту страну? Лет пятьдесят назад или более того?

Черноволокный маг призадумался, его мечтательный взгляд устремился за плечо брата, в ту сторону, где через щель между гардин проникал утренний свет.

– Давно... Очень давно. Кажется, вечность прошла с тех пор, как мы обрели здесь приют, – протянул он и потер лоб рукой.

– Вот именно! Естественно, я благодарен богам, что в Мендарве кроме нас нет других волшебников. Лишь мы двое. Мне льстит, что нам нет равных, но задумайся... Если кто-то возжелает занять наше место? То этот выскочка справится с нами без особых усилий! Потому что наши магические познания – это уже история.

Черноволокный чародей молча поднялся с кресла. Он неторопливо подошел к окну, завешенному темно-зелеными шторами, и раздвинул гардины в стороны. Розовый рассвет мягким светом залил комнату. Вместе с ним в помещение ворвалась утренняя свежесть.

Псилон, привыкший к полумраку опочивальни брата, зажмурился, прикрыв глаза рукой, украшенной массивным перстнем из красного золота и зеленого аметиста.

Меус с улыбкой взглянул на простирающуюся за окном панораму. Перед его взором раскинулся огромный город, со множеством кривых улочек и прямых, вымощенных мрамором, аллей. Повсюду, среди густых садов, благоухающих жасмином и лилиями, прятались бело-снежные особняки дворян. Дальше, где заканчивался квартал аристократов, виднелись алые черепичные крыши домов ремесленников и купцов, да плоские алебастровые террасы таверн и постоялых дворов. Среди построек, тут и там, поблескивали остроконечные аристовые купола. Храмы Тарумона Милосердного. А там, где заканчивалась граница Форга, высилась высокая крепостная стена, словно вылитая из лунного камня, но на самом деле рукотворная, возведенная из огромных блоков серебристого гранита. Каменной преграды не было лишь у пристани, где город разделяла Форгрив – могучая и широкая река. Над водными просторами возвышались белоснежные мраморные мосты с высокими фонарями и резными перилами. Даже портовый квартал, не славившийся чистотой и идеальным блеском, сегодня сиял.

В этот ранний час город походил на столицу Светоликих эльфов, не хватало только вездесущих водопадов, которые были заменены здесь фонтанами. Да и пороги Форгрива, вполне могли занять место знаменитых эльфийских каскадов. Лучи солнца окрасили стены и крыши зданий в коралловые цвета. Город был великолепен и восхищал своей сказочной красотой.

Меус прищурился, разглядывая вдали городские ворота, через которые длинной вереницей потекли повозки, кареты, фургоны и всадники. Ярмарка манила всех жителей Мендарва и чужеземных гостей в Форг!

– Любуешься видом? – Псилон поднялся из-за стола и тоже подошел к окну. Черноволосый маг улыбнулся, не отрывая взгляд от городского пейзажа.

– Разве не прекрасен Форг в рассветный час? – ответил он вопросом на вопрос.

Седовласый нахмурил брови. Город, как город. В Нирбиссе есть места намного великолепнее этого людского поселения! Брат всегда был исключительным романтиком. Он постоянно умилялся таким обыденным вещам! Что совершенно не свойственно чародеям, удостоенным степени Магистра.

– Меус, я явился к тебе в столь ранний час не для того, чтобы рассуждать о прелестях столицы. Есть более важные темы, чем кучка мраморных зданий, да зеленеющих палисадников.

Волшебник неспешно повернулся к брату. На его лице еще мерцал блеклый след детского восхищения, вызванного созерцанием окрестностей королевского дворца.

– О чём же, ты так жаждешь поговорить? О делах церковников, возглавляющих совет и несущих Свет Тарумона Милосердного? О нашей бесполезности в этом удивительном государстве? Или о твоём страхе потерять здесь власть? А может быть о том, что однажды, кто-то из здешних монархов решит избавиться от нас?

Псилон напрягся и помрачнел. Он догадывался, что брату известны его помыслы и опасения. И что с того? Да, ему был присущ страх, как и любому другому человеку. Он боялся за свой статус и возможности, которыми обладал в людском государстве. Его пугала мысль о том, что однажды их потеснят с должности главных жрецов, как когда-то они избавились от соперников.

– Нет, – холодно промолвил Псилон, вновь поглаживая бороду, – сегодня я пришел действительно по серьезному делу. Прими мои искренние извинения, что я, как и прежде, отклонился от темы. В это утро в твою обитель меня привел не страх, а действительно важные известия.

Меус молча приподнял левую бровь, давая понять, что он не собирается перебивать брата и ждет продолжения. А сам подумал: “Важные вести? И, что на этот раз??? Опять какой-нибудь тролль пробрался через горы и тут же был застрелен из лука местного охотника? Или же корсары вновь стали совершать побеги на рыбацкие деревушки?”

– У нас гости. И визитеры не ради праздного любопытства решили навеститься в нашу весьма не гостеприимную страну.

Меус наигранно зевнул, выказывая тоску, речам брата. Он жаждал скорее избавиться от него и продолжить свое занятие, на которое уйдет не один час. А время, как говорится – ценнее золота.

– Испепели меня урлон! – проворчал Меус. – Псилон, будь добр, переходи сразу к сути, без долгих прологов! Я всю ночь не спал, и если честно немного устал. Я хочу закончить эту рукопись, и ненадолго погрузиться в сон. Мне нужно восполнить силы до того момента, когда я буду вынужден сопровождать Его Величество на Ярмарку.

Седоволосый маг, скривил рот в недовольной усмешке. Псилон прекрасно знал, что только он выйдет за порог комнаты, как брат, вновь примется строчить летопись, и уж точно не ляжет спать до вечера.

– Как пожелаешь, мой драгоценный брат. Во-первых, в Темную Дубраву через портал пробрались Науро и Табора. Как им удалось сделать разлом в защите, мне не ведомо. Во-вторых, сегодня в Форг, в очередной раз, прибывает Барк, он прислал мне восточку, почтовым голубем. Теперь ты проинформирован. И что ты на это скажешь?

Меус сложил ладони и приставил их к губам. Он раздумывал над словами сказанными братом. Да, таких новостей он не ожидал. В его глазах мелькнул неподдельный интерес, а на губах заиграла грустная улыбка.

– Ты так и будешь хранить безмолвие или все же соизволишь пролепетать хоть короткую фразу? – терпение седовласого чародея иссякало.

– Разрази меня молот тролля, – нарушил молчание Меус, и его улыбка стала шире.– Это действительно занимательные известия. Пожалуй, я смогу выделить час своего времени на беседу с тобой. Я жажду подробностей, если таковые имеются. Начни свой рассказ с Таборы...

Темноволосый волшебник отошел от окна и уселся в кресло, приглашая брата последовать его примеру. Тот хмыкнул в белоснежные усы и примостился на деревянный стул, который наколдовал ранее.

Меус хлопнул три раза в ладоши. Через несколько секунд в комнату вошел полноватый светловолосый человек средних лет, в зеленом одеянии и в белоснежном переднике. В руках он держал серебряный поднос, на котором красовались тарелки с очищенными фруктами, песочными печеньями с ягодным желе, козьем сыром и стеклянный графин с рубиновым вином. Псион удивился. Это был напиток из Эскалиота. Неужели его братец успел спозаранку прикупить заморского нектара у приезжих торговцев?

– Время легкого завтрака, – оглядывая с восхищением поднос, произнес Меус. Он осмотрительно освободил место на столе, при этом, не убрав ни одного фолианта. Маг просто водрузил мешающие рукописи на вершину стопок. – За трапезой ты мне все подробно поведаешь.

Слуга, закончив сервировать стол, молча отвесил поклон.

– Благодарю, Арен. Будь так любезен, передать страже, чтобы в течение часа меня никто не беспокоил. Хотя, всем известно, что я бываю не в духе, когда меня отрывают от приема пищи.

Слуга кивнул и, не проронив ни слова, бесшумно скрылся за дверью. Меус довольно улыбнулся, потирая ладони и глядя на яства, расставленные на столе.

– Ну что ж, приступим!

Рассвет тягучей ленивой поступью явился в Мендарв. Багровое солнце неспешно всплывало над линией горизонта, озаряя бескрайние просторы малиновым цветом. На небе не было ни облачка. Чистый перламутровый небосвод предзнаменовал ясный день. Северо-восточный ветер, носился среди густых крон деревьев Темной дубравы, играя листвой. Звери, растения и люди, сбрасывали с себя самоцветную паутину сна, радуясь новому дню.

Ребекка, сладко потянувшись, поднялась с постели. Мельком взглянула в окно, где деревенский пейзаж, окрасился в розовые тона, она принялась одеваться. Для Ярмарки девушка выбрала белоснежное платье с длинными, расклешенными рукавами, серый пояс, да серебристую атласную ленту, которой обвязала волосы, собранные в толстую косу. Заправив постель, златовласка еще раз выглянула в окно, улыбнулась и покинула спальню.

На кухне приятно пахло едой. В печи горел огонь. На столе стоял завтрак: свежие булочки, вареные яйца, коровий творог, ломтики помидор и парное молоко. Ни Аэлтэ, ни Артура, ни братьев нигде не было видно.

Ребекка покачала головой и направилась к опочивальне близнецов. Если она их сейчас не разбудят, они наверняка еще долго будут нежиться в постели, и в Форг семейство Лангрэн прибудет к полудню, не ранее, хотя до города всего пять часов езды.

Не успела девушка приблизиться к покоям братьев, и заготовить очередную порцию нравочений для лежебок, как дверь спальни отворилась, из-за нее выглянул Кор, и с озорным выражением лица показал язык сестре.

– Ах ты, негодник! – возмущенно воскликнула златовласка, и дверь тут же перед ней захлопнулась. В опочивальне братьев послышался приглушенный смех.

– Через минуту, вы должны уже сидеть за столом, безобразники! – произнесла она уже более спокойно. – Если, вы не успеете позавтракать, то в Форг поедете голодными.

Смех стих. За дверью послышалось какое-то перешептывание. Затем голос Тора произнес:

– Мы уже идем.

– Поторапливайтесь! – Ребекка вновь покачала головой и вернулась на кухню.

Через несколько минут братья, умытые и одетые, вихрем влетели в помещение, весело щебеча. Не успела Ребекка оглянуться, как Тор схватил глиняную кружку, наполненную молоком, да теплую ватрушку и молниеносно выскочил во двор. Кор недолго думая последовал его примеру, не дав опомниться златовласке, которая ринулась было за ним, но была остановлена отцом, вошедшим на кухню.

– Доброе утро, дочка! Как спалось? – Артур ласково поцеловал девушку в лоб и присел за стол, с наслаждением вдыхая запах выпечки.

– Чудесно, отец, – проговорила Ребекка, поглядывая в окно, где братцы, заливаясь смехом, устроились под грушей и уплетали сдобу с молоком.

– Удивляешься, как этим сорванцам удалось подняться в такую рань без посторонней помощи? – промолвил Артур, заметив взгляд дочери, устремленный в сад, где раздавались звонкие голоса ребят. – Мать их разбудила с зарей. На этот раз она не поддалась уговорам сонь.

Ребекка вздохнула. Ну, хоть нынче они придут вовремя на Ярмарку и успеют занять выгодные места на торговой площади.

Аэлтэ задумчиво стояла у окна. Взгляд ее древесных глаз был направлен в сторону Темной дубравы, листву которой, огненно-красное солнце окрасило в багряную палитру.

Неистовое желание охватило женщину, ринуться в лес, отыскать черноволосую демоницу, и выкинуть ее за шиворот подальше от границ Мендарва. Аэлтэ подозревала, что Табора проникла в страну людей не пешком, а с помощью портала. Только так можно было объяснить то, что она минула стену и ее до сих пор не обнаружили церковники. Но, все же! Демоница явилась сюда, рискуя всем! Ей не просто нужен Жезл, он ей жизненно необходим!

Аэлтэ внимательно рассматривала стену деревьев, пытаясь разглядеть среди стволов знакомый силуэт. Ей было ведомо, даже если она не видит врага, то это не отменяет тот факт, что неприятель без устали наблюдает за ней, а вернее за ее домом.

“Высматривай, разнюхивай, гадай, Табора! Ты не получишь Жезл, как бы не старалась! Я разрушу твои планы! Я донесу весть во все части Нирбисса, что Он готовит свое возвращение! Я стану ветром, завывающим о Тьме, просачивающимся в мир. Я обращусь реками, разливающимися по земным просторам, дабы каждый: эльф, человек, чародей, дендроид или гном знали – Он скоро явится, дабы потребовать свое! Скрывайся, Табора! Разгадывай символы, ищи подсказки! Ты не распознаешь Жезл, даже если он будет у тебя под носом! И когда я уйду, другие станут оберегать его! Тешь себя надеждой, Табора, что ты узришь оружие Пророчества! Лелей мечты, которым не суждено сбыться!”

Тихий стук в дверь оторвал Аэлтэ от размышлений. Она отошла от окна и присела на край постели.

– Войдите, – ровным голосом произнесла женщина, поправляя зеленый чепчик и складки темно-изумрудного шерстяного платья.

В родительскую спальню, улыбаясь, вошла Ребекка. Аэлтэ улыбнулась в ответ, стараясь скрыть свою тревогу, которую чуткая дочь могла запросто заметить. Но как бы она не старалась утаить беспокойство, от златовласки не ускользнула печаль поселившаяся в глазах матери.

– Доброе утро! Как спалось, милая? – поинтересовалась Аэлтэ, обнимая за плечи Ребекку, которая примостилась на краю кровати, подле нее.

– Доброе утро, матушка! Я спала, как младенец, крепко и сладко! А ты, как себя чувствуешь? Тебя, что-то волнует?

Аэлте махнула рукой.

– О, все пустое, милая! Не забивай свою светлую голову чужими хлопотами! Все пустое! – женщина искренне улыбнулась, глядя в зелено-серые глаза дочери.

Ребекка поджала губы. Нет, что-то было не так. Она ощущала это! Воздух в доме словно стал гуще, а мать... Мать выглядела иначе. У нее появились еле заметные морщинки на лице. Она казалась, то ли уставшей, то ли встревоженной.

– Ты, что-то утаиваешь, – прошептала девочка.

Аэлтэ вновь улыбнулась и погладила дочь по голове.

– О, милая! Столько всего существует на свете, что тебе неизвестно! Но это не означает, что кто-то пытается скрыть от тебя истину. Рано или поздно все тайны обнажают свое естество. И порой приобретенные знания не только разочаровывают тебя, но и пугают. Но сейчас, ты зря ищешь причины моего беспокойства. Их попусту нет! – солгала Аэлтэ. – И быть не может!

Ребекка развела руками и кивнула.

– Возможно, ты права. Но внутренний голос шепчет мне, о переменах. И в доме. И в тебе.

Аэлтэ слегка нахмурилась. Слова златовласки, еще больше разворошили тревоги в ее душе. Нет, девочка не могла проведать ни про Жезл, ни про Табору, ни про Него.

– Ладно, хочешь поговорить о твоём предчувствии? Что же я с радостью побеседую об этом. Вот только тогда, тебе придется пропустить Ярмарку, оставшись дома, – Аэлтэ лукаво улыбнулась.

Ребекка вскочила с постели. Она совершенно забыла о поездке.

– Ярмарка! Тарумон Милосердный, я совсем позабыла о ней! Вечно упрекаю братьев за опоздание, а сейчас сама стала виновницей задержки!

Аэлтэ рассмеялась и тоже поднялась на ноги.

– Идем. Я провожу вас до ворот. Тебя, небось, все заждались.

Мать и дочь торопливо покинули комнату. Воздух в помещении поредел, словно уход Аэлтэ, разбавил его порывом ветра.

Меус Герион Виэнарисс задумчиво стоял у окна и созерцал оживший город.

Форг сейчас походил на пчелиный улей. По улицам сновал народ разной масти. Дамы в шелковых разноцветных платьях с длинными шлейфами и вычурными прическами, украшенными конусными головными уборами и диадемами с прозрачными вуалями, закрывающими либо лицо, либо волосы, плыли по улицам подобно лебедям в городском пруду. Облаченные в бархатные камзолы и с беретами на головах, мужчины хвастливо выставляли напоказ, висящие на поясе тонкие клинки в ножнах, украшенные драгоценными камнями. Паладины в сияющих доспехах, гордо восседали на гнедых жеребцах, гарцующих, словно на королевском параде. Храмовники в длинных бело-зеленых хитонах и с поблескивающими на груди аритовыми медальонами с изумрудным знаком Тарумона Милосердного, неспешно прогуливались вдоль аллей. Купцы в пестрых рубахах, круглых колпаках, да твидовых жилетах, доходящих до бедра, спешили со всех сторон к Торговой площади. Ребятишки, заливающиеся звонким смехом, сновали тут и там: играя в догонялки или с открытым ртом разглядывая городские постройки и фонтаны. Воры и нищие... От взгляда волшебника не ускользнули несколько подозрительных фигур, прячущихся в тени деревьев и во мрачных проулках между особняков. Ну, куда без этих негодяев, которые слетаются на Ярмарку, словно мотыльки к свету! Да, эти темные личности набьют сегодня карман чужим имуществом и крупной монетой!

Меус глядел на толпу и морщился. О, он обожал жителей Мендарва, но предпочитал шумным сборищам – одиночество. Сейчас он нуждался в нем, как никогда ранее. Ему нужно было посидеть в тишине и поразмыслить над вестями, которые ему преподнес брат. Все, что

сегодня было озвучено в покоях главного жреца храма Тарумона Милосердного, здесь и останется. Ни одно слово не просочится за пределы мраморных стен, и уж тем более, не долетит легким ветерком до ушей короля. Монарху лучше прибывать в неведении. Да и церковникам знать не требуется, ни о демонице, ни о Барке.

Черноволосый старец потер переносицу, словно намеревался разгладить глубокую морщину между бровей. Как бы ему хотелось разом узнать все ответы! Хм, он бы мог рискнуть! Но... Чародей знал спешка – союзница неудачи. А пренебрегать благословением Фортуны – несусветная глупость! Нужно неторопливо все обдумать, взвесить потери и прибыль, и лишь потом действовать.

“Поперхнутся мне брагой троллей! Что понадобилось этой чертовке здесь? Да и верны ли сведения Псилона, что эта, та самая демоница, а никто либо иной? Если верить доносам Странников, шпионящих на территории Большой земли, то дьявольское отродье погибло, больше двадцать лет назад!”

Меус зашевелил длинными усами, прикидывая что-то в уме.

“Хотя... Это могла быть фикция!”

Демоны из Черного Царства известны своей тягой ко лжи. Псилона не так легко провести! Он Табору на дух не переносил. Впрочем, рогатую все недолюбливали в их семействе. Беловолосый маг неоднократно предупреждал Моргана, что от этой девицы можно ожидать лишь неприятностей. Так и вышло! Их младший брат почувствовал всю боль жестокости и предательства.

“Интересно. А ему ведомо, что бывшая возлюбленная жива и здорова?”

Меус покачал головой и тяжело вздохнул.

“Многострадальный Морган... Наверно в его пшеничной шевелюре прибавилось серебристых волос, когда он узнал о гибели благоверной”.

Меус нахмурился. Его и Псилона, Морган также считал мертвыми, это случилось в той же битве, в которой якобы сгинула рогатая. Брат уверен, что они погибли, а близнецы на самом деле живы. Прохлаждаются себе в Мендарве и в ус не дуют.

“Может Табора явилась сюда в поисках Моргана? Нет, чушь! Она прибыла в страну людей за чем-то иным? Но зачем?”

Меус отошел от окна и снял со спинки деревянного стула длинный белый плащ с капюшоном, отделанный зеленым орнаментом.

Волшебника мучило любопытство, но он не горел желанием встречаться с демоницей. Он возложит эту миссию на плечи Псилона. У того хватит ума и провести разведку, и вытолкать в шею незваную гостью. А вот с Барком он с удовольствием свидится. Барк его старый приятель. Пожалуй, единственный, кому было ведомо о том, что Псилон и Меус – живы. Этот травник, как никто другой умел хранить чужие тайны.

Барк, не первый год являлся в Форг под видом купца. Меус, как и прежде улизнет вечером из дворца и отправится куда-нибудь на окраину, в неприметный трактир, дабы распить кружку эля с давним другом.

Важно лишь не вызвать подозрение у Его Величества да храмовников, рыщущих словно голодные волки в поисках добычи.

– Будь неладны эти гоблинские пути, – проворчал он себе под нос, накидывая капюшон на голову, – Как я устал от чертовых интриг и игр в прятки!

Волшебник оглядел свои покои, в которых царил жуткий беспорядок и покачал головой, подумав, что стоит попросить Арена, прибраться здесь. Затем Меус пригладил черную бороду, печально вздохнул и покинул комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

Тем временем Псилон, облаченный в темно-зеленую бархатную мантию с белым узором, украшающим края капюшона и рукавов, торопливо шел по длинному дворцовому коридору, вдоль одной стены которого тянулся ряд высоких нефритовых колонн, увитых белоснежными

металлическими лозами. С другой стороны длинного прохода, струился яркий дневной свет, проникающий сквозь широкие окна – колоссальные стеклянные фенестры, простирающиеся от потолка до пола и обрамленные тяжелыми парчовыми гардинами бирюзового цвета.

Волшебник направлялся во внешний двор, где должен был встретиться с братом и королем. Он изредка кивал, проходящим мимо придворным, и нарочно обделял вниманием прислугу, которая при виде жреца, спешно склоняла головы, уставив взор в начищенный до блеска белый мраморный пол.

Вся королевская челядь, а также солдаты, министры, генералы и даже сам король, немного побаивались беловолосого жреца. Что-то в нем вызывало дрожь. Возможно вздорный норв. А может вечно угрюмый вид. Или же жестокость, которую он проявлял по отношению к нелюдям, да приверженцам магических штучек. Никто не пожелал бы даже врагу попасть в немилость этого седобородого старца с орлиным носом и кустистыми бровями.

Псилон, не придавая значения волнами страха, исходящим от людей, снующих по коридору, усиленно размышлял над сложившейся ситуацией. Он в отличие от Меуса, не был столь беспечен и простодушен.

Волшебник пытался отыскать логическое объяснение внезапному визиту демоницы из Черного Царства.

“Я бы мог с ней разобраться сию же минуту, если бы глупая демонесса прибыла в Мендарв одна! Но Табора зачем-то притащила с собой клыкастого уродца! От него мне так просто не избавиться! Если я приближусь к Науро хоть на шаг, то не избежать Мендарву войны с Мрачными эльфами! Нет! Я еще не готов к масштабным боевым действиям!”

Псилон, в знак приветствия, кивнул, мимо прошмыгнувшему сэру Найджелу, главнокомандующему королевской армии, и вновь погрузился в мрачные думы.

Рыцарь возблагодарил Тарумона Милосердного, что жрец торопился, и не удостоил его вниманием, дабы вновь отчитать за промахи на границах Мендарва. В последнее время участились вылазки нелюдей. Да и храмовники, чуть ли не каждую неделю вылавливали отступников, у которых проявлялись крупницы магии. Сэр Найджел выбивался из сил, и то и дело повышал жалование солдатам, чтобы те, день и ночь, неустанно и зорко охраняли рубежи государства и вплотную сотрудничали с церковниками. Но как бы не старался полководец, он не мог ежесекундно прочесывать каждый дюйм границы. Особенно, на морских просторах, где зверствовали пиратские суда из Государства Объединенных рас и Эскалонии.

К удаче сэра Найджела, хоть сегодня мысли главного жреца и были заняты проблемами вторжения в Мендарв, но они, по мнению главы церкви, совершенно ни касались сторожевых отрядов, которыми командовал рыцарь. Неудобные гости являлись заботой исключительно Псилона и Меуса, а не людишек, абсолютно не соображающих в волшебстве.

Чародея в данный момент волновало несколько вопросов. Как подобраться к демонице, незаметно выудить у нее нужную информацию и затем мирным путем отделаться от нее? Табора никогда не отличалась дружелюбием, если не считать теплых чувств к глупцу Моргану. Тот на своей шкуре испытал, чем чревата любовь к демонессе. Да, он поплатился сполна за свои романтические порывы. Впрочем, не он первый, кто обжегся о неистовое и смертоносное пламя любви. Куда прискорбнее была судьба Айласа...

Псилон внезапно остановился. И беспокойно огляделся по сторонам, словно опасаясь, что кто-то прочтет его мысли. У выхода из коридора копошилась какая-то служанка, протирая колонны арки ведущей к лестнице. Помимо нее в длинной зале никого не было. Дворец опустел. Королевские хоромы не покинула лишь стража, да прислуга. Прочие же поселенцы отправились в город на Ярмарку.

Маг пригладил бороду и, натянув капюшон, торопливо прошел сквозь проход и оказался на широкой мраморной лестнице, ведущей в фойе дворца. Огромный холл также пустовал,

если не брать в счет четырех стражников, стоящих у высоких парадных дверей, ведущих во двор.

“Расколи меня молот Хрона, если я еще раз вспомню его имя, да начну размышлять над любовными похождениями моих братьев!”, гневно подумал Псилон.

Маг стал спешно спускаться по каменным ступеням, сияющим молочной белизной, опираясь на холодные гладкие перила. Он пытался отогнать мысли о старшем брате, которого угрозило ввязаться в войну с Эльфами, и сосредоточиться на Таборе.

Каким образом демонице удалось выжить или сфальсифицировать гибель??? Ее познания в магическом искусстве ничтожны! Навыки, которыми она владеет, неспособны даже червя вырвать из лап смерти, и тем более, воплотить в жизнь такое удивительное представление, на зависть любому бродячему артисту!

Псилон остановился у самых дверей, задумчиво почесывая серебристую бороду. Стражники, стоящие по обе стороны выхода вытянулись, тихо звякнув латами, и старались не смотреть на жреца, застывшего словно статуя.

“Она прибегла к чье-то помощи... Но к чьей?”

Псилон почувствовал, как по его спине пробежали неприятные мурашки. Он гневно оглядел охранников, сжимающих трясущимися руками алебарды. Те, пытались сохранить непроницаемое выражение лиц и тщечно молились, чтобы жрец поскорее вышел за дверь. Но глава ордена Тарумона Милосердного, предпочел еще немного задержаться.

“Чушь! Быть того не может!” отогнал он от себя дурные мысли.

“Скорее всего, это кто-то из новоиспеченных учеников Магистров! Кто-то весьма могущественный, способный наделить среднестатистическую демонессу силами, о которых она даже не мечтала, прозябая в своем темном болоте!”

Псилон поправил капюшон, еще раз с подозрением глянул на стражников и покинул королевские палаты.

Он узнает имя чародея, которому служит демонесса. Узнает, чтобы ему не стоило. Он рискнет и увидится с Таборой. Конечно, рогатая может использовать эту встречу себе во благо или подставит под удар тяжелую работу братьев Виэнарисс, которую они проделали в Мендарве. Но выбирать не приходилось. Хотя, существовал один шанс получить власть над демоницей, и Псилон намеривался им воспользоваться.

Оставался еще Науро! За ним Верховный жрец мог лишь наблюдать. Этот коротышка не вызывал доверия. Он продаст родную мать за слиток золота!

“В это раз Меусу одному предстоит наслаждаться обществом Барка. А я, к сожалению, буду вынужден навестить демоницу. Сегодня ночью, я должен это сделать, сегодня ночью. Пока не стало слишком поздно”, Псилон улыбнулся брату, восседавшему на жеребце подле короля, который кивком поприветствовал беловолосого жреца, спускающегося по лестнице, ведущей из дворца.

Форг – поистине пленительное творение рук человеческих и, вероятнее всего, нескольких чаровников. Возвышающийся на холме город, много столетий назад был выстроен из бело-снежно-сияющего мрамора, с тонкими зелеными прожилками. Молочный камень, в зависимости от погоды и времени суток, менял оттенки, словно одеяния. От первых лучей солнца, он окрашивался в кремово-розовые тона. В свете луны стены домов и дворца, опылялись серебристо-голубой дымкой. В безоблачные дни холодная белизна мрамора слепила горожан, а в пасмурную погоду бледно-зелеными бликами разбавляла тусклый дождливый пейзаж.

Городская стена, возведенная из монолитных блоков серебристого гранита, сияла под лучами солнца, так ярко, что крепостной оплот было видно за много миль. Изумрудно-белые знамена возвышались на сторожевых башнях, где день и ночь несли неустанный дозор лучники

да ратники, призванные на службу из простого народа и обученные под чутким руководством сэра Найджела.

Столица Мендерва была изумительна! Широкие проспекты, вымощенные гладким бело-снежным булыжником, провожали и встречали экипажи дворян. Высокие фонари, вдоль центральных аллей и просторных улиц, ночами озаряли округу мерцающим, подрагивающим светом свечей, заключенных под стеклянные колпаки. Пышные сады, разбитые в королевском дворце и вокруг особняков вельмож, даже зимой восхищали своим великолепием. Здесь произрастало приличное количество вечнозеленых деревьев и кустарников. Все усадьбы аристократов были окружены живой изгородью, такой высокой, что перебраться через нее, позволяло лишь наличие лестницы.

Фонтаны площадей и пруды городских парков появились в Форге лишь двадцать лет назад. И тут же обрели популярность у горожан. Поговаривали, что нововведения заслуга одного из верховных жрецов, который разработал схему водоснабжения и предложил монарху воплотить ее в жизнь.

Система канализации в городе тоже присутствовала. Она походила на сеть катакомб с множеством тайных ходов. Там, во мраке подземелья, текли нечистоты, да обрели обитель нищие и воры, которые совершенно не тревожили достопочтенных горожан. Форг благоухал в любое время года. А темные личности и попрошайки, выходили на охоту либо за пределы городской стены, либо в темное время суток. Последний вариант выбирали самые отчаянные, ибо стража усилена патрулировала темными ночами, не только квартал аристократов, но и прочие районы. Никто не желал связываться ни с копейщиками, ни тем более с храмовниками.

Все же, раз в год, гильдия воров могла себе дать слабину и пуститься во все тяжкие по улицам белокаменного града. Только один день! День Ярмарки!

Вот и сейчас на торговой площади, рядом с палатками и лавками купцов, да неподалеку от вальяжно прогуливающихся благородных дам и господ, можно было заметить стайки ребятишек в лохмотьях, нищих старух да карманников, не отличавшихся ни чем от крестьян или ремесленников. На обездоленных людей никто не обращал внимания. Весь народ, прибывшей со всего Мендарва в столицу, был намерен отдохнуть, отведать заморских и местных яств, послушать сказания трубадуров да прикупить обновки.

Семейство Лангрэн прибыло на торговую площадь почти к полудню. Артур соскочил с козел на землю и помог спуститься с крытого фургона Ребекке. Близнецы самостоятельно слезли с повозки. Тор и Кор, с сияющими от восхищения глазами, вертели головой из стороны в сторону, то и дело, дергая друг друга за рукава. Ежегодно они ездили в Форг, но каждый раз ребята вели себя так, будто впервые созерцали все это великолепие. Ребекка, качая головой, с умилением смотрела на братьев. Мальчишки! Что с них взять?

– Эй, братцы! Хватит тарашиться по сторонам! А ну-ка, помогите отцу! – оторвал от любования сыновей, Артур.

Пока близнецы, разинув рот, оглядывали купеческие ряды, да пестрые фигуры жонглеров, расхаживающих тут и там на высоченных ходулях, он успел установить небольшую холщовую палатку. Теперь дело осталось за малым. Достать корзины с овощами, да разложить товар.

Моментально отреагировав на зов отца, юноши тут же бросились на подмогу. Пока мужская часть семейства Лангрэн разгружала фургон, златовласка аккуратно расставляла репу, картофель, морковь, да золотистые помидоры по плетеным из бересты коробам.

Как только все приготовления были завершены, Артур подошел к дочери и произнес.

– Ну, что же, милая, иди да прогуляйся по городу. Прикупи что-нибудь себе да матери. Полюбуйся фонтанами, да садами. Только далеко от площади не удаляйся. Все же это не Дубки, тут за секунду заплутать можно.

Фермер снял с пояса тощий кошель и, порывшись в нем, выудил две серебряных монеты.

– Вот, держи. Да, снизойдёт на нас благословение Тарумона Милосердного, и сегодня мы выгодно сбудем товар! Не успеем моргнуть – серебряников будет целая горсть, а того и гляди может и пару золотых зазвонят.

– Как и каждый год, – улыбнулась Ребекка. Ни разу они не возвращались с Форга с пустыми руками.

Девушка взяла деньги и, вдохнув полной грудью наполненный ароматом выпечки воздух, окинула взором площадь. Да, только прогулка по торговым рядам займет не один час, какие уж фонтаны да сады! Даже времени взглянуть на королевский дворец не останется. Но может, удастся улучшить минутку и посетить один из храмов. Белоснежно-зеленное здание с остроко-нечным куполом, как раз находилось в конце ярмарочной эспланады.

– Постой, – внезапно коснулся руки златовласки Артур, – будь предельна осторожна. В столице полно, как и добрых людей, так и отпетых негодяев.

Ребекка покачала головой.

– Полно тебе, отец, беспокоиться! Я же не впервой в Форге. Ничего со мной не случится. И коли ко мне кто привяжется, я тут же окликну стражников. Смотри, везде паладины, да мечники.

Артур огляделся, пригладив взъерошенные волосы. Действительно сегодня в столице была удвоена охрана. Город наводнен чужеземцами, а за ними нужно присматривать. Фермер тревожился напрасно. Или же для волнения в столь ясный и праздничный день у него была причина, о которой он умолчал?

– Ладно. Ступай, – улыбнулся он и кивнул.

Ребекка успокаивающе погладила отца по руке и неспешно побрела по ярмарочным рядам

Торговая площадь пестрила многообразием. Глаза разбегались от количества всевозможных товаров.

Тут были и тончайшие ткани из Руладона, вышитые серебром и перламутровыми жемчужинами, да ювелирные изделия из полудрагоценных камней и лазурной платины. Дамы Форга, да приезжие красавицы, вились у прилавков, словно пчелы вокруг сладкого нектара.

После купцов девичьими уладами, раскинулись вместительные шатры, где торговали предметами интерьера: подсвечники с изящной гравировкой, шкафы из пород редкого дерева, огромные серебряные зеркала, обрамленные витиеватым орнаментом из красного золота или арита.

За торговцами мебелью следовали стенды кузнечных мастеров. Тут на всеобщее обозрения были выставлены не только фермерские инструменты, и медная да серебряная кухонная утварь, а также оружие и обмундирование. Клинки, щиты, кольчуги, алебарды, мечи, наконечники для стрел, арбалетные болты, шлемы, латы и прочие аксессуары, которые непременно приглянутся как и рыцарю, так и простому служаке, если у того денег хватит на покупку.

У самого края площади расположились купцы живностью. Здесь, отбивая дробь по мостовой, стояли грациозные цитруонские скакуны, черные, как смоль и с длинной белоснежной гривой. В импровизированных загонах блеяли без умолку длинношерстные овцы Страны свободных народов. Где-то возмущались куры и гоготали гуси. Шум и гам создаваемый животными, перекрывал вскрики покупателей, жаждущих выторговать скидку.

Следующий ряд был загроможден палатками, где продавали фрукты, овощи, пироги, сыры, копченое мясо и хмельные напитки. Тут же, рядом с лавками громоздились перевернутые бочки, подобно столам, за которыми стояли люди, попивая эль и жуя лакомства.

В этом месте ряды шатров расширились, оставляя пространство для менестрелей, гаеров, факиров, танцоров, акробатов, музыкантов. Бродячие артисты непрерывно давали представления. Кто-то из толпы с интересом созерцал на трюки и хохотал над потешными паяцами, а кто-то пустился в пляс под заразные мелодии флейты, лютни да бубна. Удачный день

для Форга! День, когда в королевскую казну текли деньги рекой. Ведь каждый купец и лицедей, платил пошлину за право торговать или выступать на Ярмарке.

Ребекка стояла у подножия храма Тарумона Милосердного и с восхищением лицезрела его. Конечно, каменное сооружение было несравнимо с кафедральным собором, находящимся возле королевских палат, но и оно вызвало восторг.

У основания широкой серебристой гранитной лестницы, возвышались две огромные белокаменные статуи женщин, облаченных в длинные сутаны, опоясанные зелеными гирляндами нефритового плюща. Девы склонили головы, их волосы были убраны за плечи, а в ладонях они держали фиалы, в которых полыхал изумрудный огонь. Свет Тарумона Милосердного. Вечный свет!

Златовласка не спеша поднималась по ступеням, окидывая упоительным взглядом здание. Оно было совсем новое. Его строительство завершили всего несколько недель назад, аккуратно к Ярмарочному дню.

Храм был выложен из белого и зеленого мрамора, как и все святилища в Мендарве. Лестница вела к террасе, огороженной аркадой. А за ней возвышалось колоссальное сооружение с конусовидным куполом. Карнизы и своды арок были украшены барельефом, изображающим листья растений, цветы и птиц, местами инкрустированными нефритом. На стенах пристанища Тарумона Милосердного виднелась гризайль, выполненная в изумрудных оттенках. На фресках были изображены города Мендарва, а также верховные жрецы, которые когда-либо возглавляли орден. Витражные окна, высокие от пола до потолка, восхищали замысловатой мозаикой из прозрачного и зеленого стекла.

Ребекка отметила, что у дверей церкви, помимо храмовников, народу было не меньше, чем на Торговой площади. Она хотела полюбоваться внутренним убранством и зажечь свечу от священного огня, но осознала, что попасть в храм будет не просто, придется выстоять не малую очередь.

Разочаровано вздохнув и повернув обратно, девчушка неторопливо стала спускаться вниз, пробираясь сквозь поток людей, стремящихся к дверям святилища. Глядя себе под ноги, она невзначай задела кого-то плечом. Ребекка, остановившись, подняла глаза и обомлела, но тут же опустила голову, пытаясь выдавить из себя извинения. Слова застряли в горле. Не каждый день по невнимательности наталкиваешься на капеллана.

Если девушка была смущена и напугана, то верховного жреца, по-видимому, совсем не расстроил данный инцидент. Он улыбнулся в бороду и, взяв златовласку за подбородок, пристально посмотрел на нее.

– Не волнуйтесь, дитя. Признаю, моя оплошность! Мысли обуяли разум, и я случайно налетел на вас, как драконий ветер на осиновую рощу. Вашей вины здесь нет.

Голос капеллана звучал мягко и убаюкивающе. Его ореховые глаза, прячущиеся под кустистыми бровями, внимательно изучали лицо златовласки.

– Что вы, Ваше Преосвященство, это, как раз моя вина! Я была обязана заметить такую высокопоставленную особу в толпе. Простите.

Капеллан пропустил ее изречения мимо ушей.

– Как вас величают, дитя, – поинтересовался черноволосый старец, убрав руку с лица девушки.

– Ребекка, – сглотнув слюну, прошептала златовласка.

Меус с интересом прищурился, глядя, как юное создание вновь засмущавшись, опустило голову. Кого она ему напоминала? Кого-то очень знакомого. Эти глаза? Серо-зеленые...

– А я...

– Простите меня еще раз за мою невнимательность, Ваше Преосвященство, – перебила старика девушка.

– Меус Герион Вэинарисс, приятно с вами познакомиться, юная леди, – закончил жрец, приглаживая длинные усы, идущие вровень с бородой.

– Простите, – повторилась златовласка.

– Чтобы откусил мне ухо нетопырь! Девочка, если ты сейчас же не прекратишь извиняться, я рассержусь, – проворчал старец, на мгновение, перейдя на «ты». Обычно он всегда вел себя чинно с прихожанами.

Ребекка удивленно подняла на него глаза. Капеллан только что выругался? Или ей почудилось? Она оглядела лестницу. Толпа образовала вокруг нее и старца ровный круг. Прихожане, да храмовники обходили их стороной, но не переставали с любопытством таращиться. Меус хитро хмыкнул, заметив ее взгляд.

– Вы только что...

– Да, – кивнул жрец, – я выругался. А вы думали, что глава церкви не может возмущаться? Тарумон Милосердный знал словечки похлеще моих фраз, и его не охватило вечное пламя. Хотя, я неправ, он сгорел дотла. Но причиной тому была не брань, а его религиозные убеждения.

Ребекка попыталась что-то молвить, но ее остановил звук фанфар, оповещающий о том, что король прибыл на Ярмарку.

На этот раз пришел черед Меуса оглядываться. Волшебник покинул свиту монарха, как только они выехали из дворца, мотивировав свой поступок тем, что ему нужно заглянуть в святилища Форга и пообщаться с прихожанами. Его Величество согласилось с решением капеллана, но взяло с него слово, что тот присоединится позже, когда неторопливый королевский кортеж прибудет на торговую площадь.

Интуиция Меуса, подобно плакальщице на похоронах, стала завывать внутри разума, предупреждая мага о том, что златовласой девчужке не стоит попадаться на глаза Псилона, и тем более, короля. Он осторожно взял свою новую знакомую под руку и подвел к лестничной балюстраде, дабы чужие уши наверняка не могли уловить ни слова, сказанного им.

– Юная леди, могу ли я дать вам несколько советов? – так тихо прошептал он, что Ребекка едва расслышала его, – Хотя, что может посоветовать такой дряхлый старик, как я? Мои рекомендации обычно касаются снадобий, способных унять ломоту в костях, или избавить от мигрени!

Златовласка невольно улыбнулась. Черноволосый капеллан, тоже ухмыльнулся в бороду. Но затем его лицо приняло степенный вид, словно он собирался поведать девочке страшную тайну.

– Шутки – это великолепно, они вызывают смех и тем самым продевают жизнь. Но сейчас, прошу вас всерьез отнестись к моим словам.

Ребекка закивала, с искренним вниманием глядя на старика.

– Я стар, и возможно чуточку мудр. Мой внутренний голос подсказывает мне, что стоит вас предупредить об опасности, таящейся на этих белокаменных улицах. Сегодня здесь собралось невероятное количество мерзавцев и забияк. Они только и ждут, как бы затеять драку, да начать приставать к хорошеньким барышням.

– Не волнуйтесь, Ваше Преосвященство, я обхожу стороной подозрительных типов, – попыталась успокоить старика златовласка. Меус кивнул, затем тяжело вздохнул и произнес:

– И еще один небольшой совет: постарайтесь избежать встречи с королем и моим братом. Возможно, для вас это покажется странной просьбой, но доверьтесь мне. Если вы неожиданно столкнетесь, ничем хорошим это не закончится.

Ребекка удивленно уставилась на Меуса. Естественно, она последует напутствиям капеллана, но его советы крайне чудны. Да к тому же, за сегодняшний день, он был вторым человеком, который просил девушку быть осмотрительной в городе. Интересно, чем вызван такой ажиотаж вокруг ее скромной персоны?

– Я сделаю, как вы скажете, – кивнула она, не разделяя его тревоги.

– Прекрасно, юная леди. Я рад, что мы понимаем друг друга.

Меус добродушно усмехнулся, смотря на растерянное состояние златовласки, которая безусловно выполнит его просьбу, но явно не осознает, что происходит. Забавная девчушка! И манеры у нее такие знакомые?

Вновь раздался звук фанфар. Ребекка и Меус от неожиданности вздрогнули, будто духовые инструменты оповещали о начале войны, а не о прибытии монарха.

– Я пожалуй, пойду, – произнесла девочка, испуганно оглядывая площадь.

– Постой, – остановил ее жрец, – Скажи мне кто твои родители?

– Аэлтэ и Артур Лангрэн, – быстро протараторила Ребекка. – Мы живем в Дубках, во владениях барона Данкоса.

Меус задумчиво почесал бороду.

– Мне известно имя этого феодала. Дубки? Это деревенька у границ Мендарва?

Златовласка кивнула, переминаясь на месте.

– Дубки...

Старец с тревогой оглядел Ярмарку. От его взгляда не укрылся темный бархатный плащ Псилона, который замаячил в толпе на другом конце площади.

– Было приятно с вами познакомиться, юная леди, – произнес старик и вновь перешел на шепот. – А теперь ступайте к родителям, Ребекка, да побыстрее. Я вам настоятельно рекомендую, покинуть город до заката. В сумерках на Медарвский тракт выползет тьма разбойников. Эти темные личности целый год терпели, чтобы поживится чужим имуществом.

Ребекка вновь кивнула.

– Да и не забудь про мои наставления, касающиеся Псилона и короля.

– До свидания Ваше Преосвященство! И пусть вас хранит вечный свет Тарумона Милосердного!

– Да прибудет с вами Его благодать, юная леди, – улыбнулся старик. – А теперь, поторопитесь.

Ребекка поклонилась и спешно стала спускаться по белокаменной лестнице, ни разу не оглянувшись назад.

Волшебник пристально следил за златовлаской до тех пор, пока она не скрылась в толпе. Он перевел взгляд на темное пятно в ярмарочных рядах, где народ почтительно расступался. К его облегчению, девчушка нырнула в гущу толпы совершенно в другом направлении. Вероятность, что Ребекка столкнется с королем и его свитой была крайне мала.

Убедившись, что опасность не грозит девушке, капеллан сменил добродушное выражение лица на маску безразличия, поправил капюшон и с тоской взглянул на сборище прихожан у входа в храм.

«Надо будет разузнать поподробнее, кто ты такая Ребекка Лангрэн. Позже. А сейчас, пока король не хватился меня, я займусь скучными и бессмысленными делами церкви, чтобы ее разодрал василиск!»

Меус, подхватив полы хитона, гордой величественной поступью направился к дверям белокаменного здания. Толпа, склонив головы, образовала проход, пропуская главного жреца внутрь святилища.

Ребекка торопливо шла мимо рядов, лишь искоса бросая взгляды на изящные изделия да прочие вещи, выложенные на прилавках. Она помнила назидание капеллана, но прежде, чем вернуться к отцу, ей надлежало купить подарок для Аэлтэ.

Неожиданно ее внимание привлек вместительный шатер алого цвета. Он выделялся среди однотонных и полосатых палаток не только размерами, но и ассортиментом товара. Втиснувшись между лавкой с заморскими материями и стендом с дорогими парчовыми одеяниями,

магазинчик был заполнен клетками, в которых восседали, копошились, прыгали различные звери и птицы.

«Я управлюсь за несколько минут. Огляжу зверинец и стрелой помчусь к отцу. Моя краткосрочная задержка ничего не решит, и тем более, не спасет меня от встречи с монархом, если он соизволит прошествовать вдоль этого ряда», подумала девушка. Но перед тем как нырнуть под полог шатра, златовласка предусмотрительно бросила взгляд по сторонам. Вокруг сновала тьма народа. Но к счастью, ни короля, ни верховного жреца и в помине не было.

В палатке царил полумрак. Торговца нигде не было видно. Зато, было уйма диковинного зверья да красочных пернатых.

Здесь, в продолговатых коробах из слюды, сновали юркие изумрудно-зеленные ящерицы с прозрачно-голубыми глазами. С перекладины на перекладину перескакивали карликовые белки, цвета лебединого пера. Луны – редкие для Мендарва зверьки, похожие на полевых хомячков, но малинового окраса и с кожаными крылышками за спиной, мирно дремали, зарывшись в свежий ворох сена. В одной из клеток сидели Мальковские канарейки, оттенка синего аметиста, с длинными ярко-желтыми хохолками, волнами, спадающими ниже короткого хвоста. Они издавали такие дивные трели, что златовласка невольно заслушалась. В углу в одном из деревянных туесков, довольно чавкая зеленью, сидел бобер – мелкозуб, с короткой серой шерстью и вытянутой мордочкой с длинными усами. Этот зверек питался только исключительно травой, да весенней листвой, так как у него было всего два зуба – сплошной нарост вдоль челюсти: внизу и сверху. Грызть, что попало, этот толстяк не мог.

Внезапно взгляд девушки упал на большую стальную клетку. На толстой металлической жердочке сидел внушительных габаритов ворон. Таких крупных экземпляров на территории Мендарва испокон веков не водилось. Ворон был, примерно размером со среднюю собаку. Его жесткое черное оперение лоснилось даже в полумраке. Видимо птицу хорошо кормили. Огромные желтые лапы с острыми когтями и мощный клюв, вызывали мурашки по коже. Упаси Тарумон Милосердный, если эта пичуга решит стукнуть по голове клювом, вмиг сознания лишишься!

Златовласка заметила, как круглые янтарные глаза, не моргая, уставились на нее. Птица непросто смотрела! Она нагло смерила девушку оценивающим взглядом. Вот только пернатые не могут выражать эмоции и не обладают мимикой! Ребекка отступила назад и почувствовала, что спиной оперлась обо что-то, а вернее о кого-то.

– Карро – уникальный ворон. Таких птиц, как он, в Мендарве не существует! – раздался прямо над ухом тихий, но звучный голос.

– Действительно, таких переростков редко встретишь! – воскликнула златовласка и осторожно обернулась к незнакомцу, перед этим успев заметить, как после ее слов, глаза птицы презрительно сузились, словно она поняла сказанное.

Ребекка с опаской взглянула на мужчину, стоящего перед ней. В ее памяти были свежи напутствия Артура и Меуса. Сегодня в городе было полно негодяев! Но находящаяся подле нее личность, не вызывала страх, а скорее улыбку.

Незнакомец внешне напоминал лесного хорька. Нет, это был человек из плоти и крови, но он так смахивал на грызуна, что Ребекка ели сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Его лицо было узким и слегка вытянутым вперед, глаза черные, подобно бусинкам. Над губой и на подбородке пробивалась редкая каштановая щетина, а темные волосы, спрятанные под синий колпак, выглядывали из-под него неопрятными пучками. Мужчина был облачен в длинный голубой халат из толстого, стеганого шелка. Своим просторным одеянием он явно стремился скрыть недостатки фигуры. Он был высок и тонок, как жердь, так что балахон только добавлял ему схожести с тем же хорьком, стоящим на задних лапах.

«Ликом он точно напоминает многих своих питомцев», подумала девушка.

Мужчина смущенно потупил взор, словно прочел мысли златовласки.

– Очень красивая птица... – попыталась исправить щекотливую ситуацию Ребекка. Взгляд ворона стал еще более подозрительным. Нет, эта птица явно понимала все, что она говорит!

Торговец тоже заметил взгляд пернатого питомца, и он не сулил ничего хорошего. Человек–хорек откашлялся и заговорил:

– Не могу ни согласиться с вами, милая леди! Карро великолепен! Смотрите, какой точный клюв, какое блестящее оперение. Одним словом – красавец!

Ворон горделиво нахохлился, внимая похвалу. Теперь девушка не сомневалась – этот крылатый вестник мрака, точно все понимал!

– Могу вас уверить, прелестное создание, – продолжал купец, – это самый удивительный и необычный ворон, которого вы когда-либо встречали!

«Если взять во внимания, что я вообще не была в тесном знакомстве с данным видом пернатых, то да», Ребекка на этот раз предпочла не озвучивать свое мнение.

– Карро родом с Большой земли... – почему-то перешел на шепот продавец.

– Не трудно было догадаться, – улыбнулась златовласка. – В Мендарве ворон можно пересчитать по пальцам. Да и то, все они обитают в лесу Серых лисиц.

– Карро не ворона, а ворон, – поправил купец.

Девушке показалось, что птица еле заметно кивнула.

– Не вижу разницы, – с безразличием произнесла она, взглянув в сторону выхода. Оттуда, с улицы, раздался приглушенный звук фанфар. – Приятно было с вами пообщаться, но мне пора идти.

Внезапно хозяин лавки схватил девушку за руку. В его глазах-бусинках застыла растерянность.

– Пойдите, куда же вы?

Ребекка удивленно вскинула брови. Мужчина тут же отпустил ее, на его лице появилась тень вины.

– Я собираюсь покинуть ваш магазин и отправиться к отцу и братьям, – произнесла златовласка, делая акцент на последние слова. Если вдруг хорек попытается силой удерживать ее, то пусть знает, что на ее поиски кинутся родственники, и он горько пожалеет, если причинит ей вред

– А как же птица? – с надеждой в голосе поинтересовался купец.

– А что с птицей? – Ребекка насторожилась.

– Вы разве не хотите приобрести ее? – в тоне продавца послышались нотки разочарования.

– Возможно, это вас удивит, уважаемый, но я действительно не желаю покупать ворона. Что мне с ним делать? Это же не курица, на суп его не пустишь.

Ворон недобро щелкнул клювом. Ребекка и торговец одновременно посмотрели на него. Птица взъерошила перья и стала с недовольным видом разгуливать по жерди, то и дело, бросая колкие взгляды в сторону людей.

– Да и к тому же он злой какой-то.

– Нет, совсем наоборот, – печально прошептал купец. – Хороший ворон, и цена у него привлекательная – всего два серебряника.

Златовласка тихо рассмеялась. Она давно выучила хитрые приемы заморских торговцев, и не собиралась попадаться на их уловки.

– Ну, уж нет. У меня, как раз только две монеты. И они предназначены для приобретения более нужных вещей. Я не стану их тратить на огромную пичугу, от которой никакого толку! Мне придется вас огорчить, уважаемый, птица останется у вас, в ожидании более щедрого и сговорчивого покупателя.

Человек-грызун задумчиво стал пощипывать редкую поросль на подбородке. Златовласка уже собиралась покинуть шатер, как голос торговца вновь остановил ее.

– Погодите. Если я в придачу к птице еще кое-что прибавлю, вы купите Карро?

Ребекка усмехнулась. В придачу к ворону? Что? Бобра или канарейку? Нет уж, спасибо! Отец будет не в восторге, если она притащит с собой целый зверинец.

Пока девушка размышляла, торговец быстро юркнул во мрак палатки и тут же вернулся с холщовым свертком в руках. Он осторожно развернул его.

Ворон склонил голову на бок, и его янтарные глаза от удивления стали круглыми, как блюдца. Ребекка была не меньше ошарашена, чем пичуга.

– Вы серьезно? Эта вещь стоит не меньше золотого, а того и двух, – прошептала она.

– Возможно, – согласился хозяин лавки. – Я отдам его вам, если вы купите ворона.

Златовласка стояла в растерянности. С одной стороны ей не нужна была злобная и весьма странная птица, но с другой стороны. То, что предлагал торговец в комплекте с ней. Аэлтэ бы обрадовалась такому подарку!

– Ладно, я согласна, – с неохотой промолвила она и протянула монеты купцу.

Торговец быстро схватил серебряники и с такой же скоростью всучил девушке пакет да клетку с вороном.

– С удачной покупкой, юная госпожа! – проговорил он, довольно ухмыляясь. И будьте осторожны, в городе полно жуликов и бандитов.

Ребекка хотела что-то ответить, но затем передумала. Сегодня словно все сговорились! Предупреждают и предупреждают!

– До свидания, – произнесла она и торопливо покинула шатер, держа в одной руке сверток, в другой клетку с явно недовольным узником.

Девушка достаточно быстро и без помех добралась до отцовского фургона и, забравшись в него, надежно спрятала птицу среди пустых корзин. Если братья обнаружат ворона раньше времени, златовласке не избежать шуток и издевок в ее адрес.

– И не смотри на меня так! – пригрозила она пальцем пернатому, который всем видом показывал, как он унижен и оскорблен таким обращением.

Дело было сделано и можно было с легким сердцем возвращаться к отцовской палатке, стоящей неподалеку.

Ребекка вылезла из фургона, и уже было направилась в сторону Артура и братьев, как кто-то, прикрыв ее рот рукой и схватив за талию, потащил обратно к повозке. Девочка даже не успела вскрикнуть, но стала изо всех сил брыкаться и дергаться, стремясь избавиться от нападавшего.

«Говорили мне быть осторожной? Нет! Не послушалась!» с горечью подумала она, как услышала тихий голос.

– Успокойся, дурочка, это я.

Златовласка не верила своим ушам.

«Годфри? Но как он здесь оказался? Хотя – он же сын барона. Наверняка все его семейство в Форге!»

– Я сейчас отпущу тебя, но пообещай, что шуметь не будешь?

Ребекка закивала. Парень убрал руку с ее лица. Девушка тут же развернулась. Ее гневный взгляд требовал объяснений.

Восемнадцатилетний юноша в длинном бархатном камзоле и бриджах, цвета бронзы, добродушно улыбался, глядя на свою возмущенную подругу. Его голубые глаза прищурились, образовав на висках еле заметные складки. Многие девицы из Дубков находили парня привлекательным. Возможно, их прельщал баронский титул и богатство, а может высокий рост, пепельные волосы до плеч, широкий лоб, острый нос, волевой подбородок. Для Ребекки же, дворянский сын был не больше, чем друг.

– Ты так и будешь ухмыляться, или все же объяснишь, что на тебя нашло? – тихо проворчала девочка.

– Я тебя только что спас, – спокойно молвил парень и указал в сторону палаток.

Ребекка осторожно выглянула из-за повозки. У палатки отца, находилось двое незнакомцев, восседавших на белых скакунах. Один из всадников, тучный мужчина в шелковом фиолетовом плаще вел беседу с Артуром. Даже издали, златовласка смогла разглядеть говорящего. Его широкий подбородок был покрыт жесткой черной растительностью. Посреди лица, красовался крупный нос, напоминавший картофель. Глубоко-посаженные глаза отталкивали и мерцали колючим блеском. Невзирая на то, что незнакомец все время расплывался в широкой улыбке, его лицо не покидал оттенок тщеславия. С первого взгляда можно было осознать, что огромный человек принадлежит к знатному сословию. Его роскошные одеяния превосходили даже вычурные наряды дворян, прогуливающих по ярмарочным рядам. А скакун! Его могучий жеребец, под стать хозяину, был в дорогой сбруе, украшенной драгоценными камнями. Конь свирепо хрипел, нетерпеливо стуча по мостовой правым копытом.

Ребекка чуть было не вскрикнула, когда разглядела спутника аристократа. Это был верховный жрец в темной мантии с капюшоном, надвинутым на лоб.

«Остерегайся Короля и Псилона», словно эхом в ее голове прозвучали слова Меуса. Через мгновение и сам черноволосый маг присоединился к монарху. Он невозмутимо прогарцевал на белом скакуне мимо брата, который наградил его испепеляющим взглядом, и встал по другую сторону короля.

Меус взглянул в направлении фургона, где прятались Ребекка и Годфри и еле заметно улыбнулся. Златовласка кивнула и скрылась полностью за повозкой. Если черноволосый капеллан заметил ее, то королю и Псилону не составит труда обнаружить девушку, притаившуюся за крытой телегой.

– Может, хоть ты мне объяснишь, почему я должна прятаться от Его Величества? – поинтересовалась шепотом она у Годфри.

Юноша закусил губу, словно размышляя, как лучше преподнести ответ. Наконец он собрался с мыслями, и было открыл рот, чтобы дать объяснения златовласке, как рядом раздался радостный крик.

– Ага! Годфри! А что ты тут ютишься, словно шпион?

Кор, с растрепанными волосами и счастливым лицом, стукнул сына барона кулаком в плечо. Юноша молниеносно взглянул в сторону палатки Артура, затем схватил Ребекку за руку и подтолкнул к фургону.

– Быстро внутрь! – прошептал он с тревогой. – Укройся среди корзин и чтобы ни звука. Златовласка почувствовала, как внутри нее все похолодело, но она послушала друга, и уже через мгновение ее след простыл.

– Что происходит? – удивился Кор.

– Заткнись, – прорычал Годфри, сверкнув глазами.

Через несколько мгновений рядом с фургоном остановилась троица всадников. Ребята склонили головы в поклоне. Сын барона заметил, как вместе с наездниками к повозке подбежал Артур с испуганным лицом.

– Да благословит свет Тарумона Милосердного, Ваше Величество, – промолвил Годфри. Кор повторил за ним.

– Да осветит вам путь Его милосердие, молодые люди, – скрипучим голосом ответил монарх, следуя этикету.

Король пытливо оглядывал парнишек и фургон, словно жаждал увидеть еще кого-нибудь в этом закутке.

– Вы что-то здесь вынюхиваете? – с подозрением поинтересовался Псилон, сверля взглядом склонившихся в поклоне ребят.

– Нет, Ваше Преосвященство, – быстро проговорил Годфри и ущипнул Кора, который хотел что-то сказать.

– Псилон, хватит всех подозревать в округе, – мягко протянул Меус, стараясь утихомирить брата. – Это дети, им свойственно забавляться. Вы здесь играли в прятки?

– Так и есть, Ваше Преосвященство, – быстро подтвердил слова черноволосого капеллана, баронский сын.

– В прятки? – не унимался Псилон, – Вдвоем?

– Сушая правда, – промолвил на этот раз Кор.

– Хм, интересно, – король оглядел добротное одеяние Годфри, затем взглянул на его приятеля в простой льняной рубаше и шерстяных шароварах.

– Простолудин и дворянин играют в прятки? Никогда о таком не слышал, – презрительно сказал Псилон.

Годфри поднял голову, и верховный жрец заметил в глазах мальчика искры гнева.

– Ваше Величество, у нас полно дел, нежели выяснять, кто с кем водит дружбу, – твердым голосом произнес Меус. Беловолосый капеллан взглянул на брата с негодованием. Он терпеть не мог, когда тот вмешивался.

– Ты прав, – согласился король.

– Ваше Величество! – попытался отговорить монарха Псилон.

Но король не обратил внимания на потуги седого старца, и, развернув коня, взглянул на Артура.

– Что же, фермер, я с превеликим удовольствием приму в дар твои овощи? Через несколько минут сюда прибудет обоз из королевской кухни и слуги заберут все, что ты для них подготовишь – монарх взял коня за поводья и без прощаний, пришпорив скакуна, направился дальше по ярмочным рядам.

Псилон, нахмутив брови, еще раз оглядел мальчишек и фургон, затем поскакал вслед за правителем. Меус виновато улыбнулся и тоже развернул жеребца, проезжая мимо Артура, он что-то протянул ему. Фермер склонил голову в поклоне и с благодарностью взял блеснувший на солнце золотой.

Когда всадники, наконец, исчезли из виду, все облегченно вздохнули. Ребекка, выждав некоторое время, вынырнула из темноты крытой повозки и спрыгнула на мостовую. Девушка уперла руки в бока и вопросительно оглядела присутствующих.

– Ну? А теперь из вас кто-нибудь объяснит, что происходит?

– Что еще случилось, пока меня здесь не было? – поинтересовался Тор, появившийся из ниоткуда. Он был раскрасневшийся от жары и тяжело дышал, словно бежал, как очумелый через всю площадь. В руках мальчишка держал лукошко с копчеными колбасами, головкой сыра и маковыми кренделями.

– Дочка... – замявшись, начал фермер.

– Мастер Лангрэн, если вы позволите, я сам объясню Ребекке, что здесь творится, – остановил мужчину Годфри. – Вы лучше подготовьте корзины для королевской челяди. Они с минуты на минуту прибудут сюда.

Артур взглянул на сына барона и кивнул, затем махнул близнецам рукой, что бы они следовали за ним в направлении торговой палатки. Тор, недовольно фыркнув, вручил короб с покупками сестре и устремился за отцом. Кор помедлил, но строгий взгляд Годфри и его заставил удалиться.

– И? – нетерпеливо промолвила златовласка, когда осталась наедине с юношей.

Сын барона печально улыбнулся, в его голубых глазах вновь замелькала тревога.

– Ладно, Ребекка, я поведаю, почему мы тебя оберегаем от короля, – вздохнул он.

– Будь добр! Иначе я скоро начну бояться собственной тени в Форге.

– Тивар, наш правитель, крайне амбициозная, пронырливая и весьма целеустремленная личность. Он безукоризненно справляется со своими обязанностями монарха. В нашей стране почти никто не голодает, люди забыли, что такое войны, границы строго стерегут от чародеев, нелюдей и прочих магических тварей, даже пираты, хоть и совершают налеты, но довольно редко.

– Да хранит вечный свет Пророка Его Величество, – невольно произнесла девочка.

– Да прибудет с Ним благословение Тарумона Милосердного, – ответил Годфри. – Я продолжу с твоего позволения?

Ребекка пожала плечами.

– Наш король, как владыка – идеален, но как человек... Ему не чужды людские пороки и желания. Да и норы у него специфический. Тивара уважают и страшатся. Он свободно разгуливает по столице без охраны, лишь в сопровождении одного или двух капелланов. Ему не страшны не стрелы неприятельских лазутчиков, ни острые кинжалы ассасинов, ни яд, который можно подсунуть любому вельможе. Странники доносят до ушей короля детали любого заговора, намеки на интриги. Враги исчезают раньше, чем успеют подумать о том, как навредить правителю Мендарва. Тивар ничего не боится, и пользуется своим положением. Порой, далеко не в благородных целях, – на этом месте юноша запнулся. Ему крайне неприятно было говорить о пристрастиях владыки страны людей.

– Годфри, продолжай, – молвила златовласка, глядя с интересом на друга.

– Тивар славится не только дипломатическими способностями, стратегическим мышлением и твердой хваткой. Король также приобрел репутацию алчного эгоиста, беспощадного палача и страстного поклонника женского пола.

Годфри замолчал. Ребекка, ожидающая продолжения, удивленно взглянула на него. Все сказанное им, ни как не объясняло того, почему она должна прятаться от монарха.

Сын барона огляделся по сторонам. Затем взял девочку за руку и повел к небольшому фонтану, расположенному в нескольких шагах от площади. Когда они подошли к краю круглого бассейна, парень указал пальцем на воду.

– Взгляни.

Ребекка наклонилась, но на поверхности увидела лишь свое отражение и нескольких пестрых рыбок, плавающих на дне.

– И что я должна узреть?

– Себя, – тихо молвил Годфри и отпустил руку девушки.

Ребекка с непониманием подняла свои серо-зеленые глаза на друга. Сын барона тяжело вздохнул, отбросил прядь светлых волос, упавшую на лоб, и произнес:

– Сегодня король забрал весь ваш урожай, не заплатив не медяка. Если не считать золотой монеты, которую вручил твоему отцу черноволосый жрец.

Златовласка ахнула. Ее глаза стали круглые, как плоские. Она знала, что король может взять бесплатно, что пожелает у своих подданных. Но не весь товар!

– А если бы Тивар увидел тебя, то возможно ты уже была на полпути к королевскому дворцу. А вскоре оказалась бы в опочивальне владыки.

– Годфри, что за мерзости ты болтаешь? – пожившись, проговорила девочка, кинув беспокойный взгляд в сторону ярмарочных рядов, где среди толпы наверняка гордо восседал на скакуне толстый и противный Тивар.

Парень покачал головой.

– Король берет все, что ему приглянется. Ты уже не маленькая девчушка. Ты – прекрасный цветок. А Тивар любит срывать цветы и втоптывать в грязь.

Ребекка закрыла лицо руками, то ли от смущения, то ли от ужаса. Годфри осторожно обнял ее за плечи и повел обратно к фургону.

Солнце красное робко прячется,

Застилает мир туман.
Дева светлая вновь расплачется
Понимая: Сон – обман!
Заплетая косу русую,
Прогоняя прочь слезу,
Запоет вновь песню грустную
У пруда, сидя в лесу.
Обманулась душа девичья.
Сердце кровью облилось
Улетело счастье перышком,
А несчастье – все сбылось.

Ребекка замолчала, и тяжело вздохнув, стала разглядывать Мендарвский тракт, вдоль которого, то расстилались поля, то кляксами на холмах виднелись осиновые и березовые рощи. Солнце неспешно стремилось к линии горизонта, разбрызгивая по округе рыжие мазки небесной акварели. Впереди повозки Лангренов маячили еще несколько телег и экипажей. Гости покидали столицу, отправляясь по домам или на Большую землю.

Дорога была местами ухабистой. Фургон, скрипя, порой вздрагивал, когда колеса насккивали на очередную кочку или попадали в неглубокую выбоину. Но тряска не мешала близнецам крепко спать. Златовласку порой тоже накрывала вуаль дремоты, вот только тяжелые мысли миглом сдергивали пелену сна.

Артур, сидя на козлах, что-то насвистывал себе под нос. Ребекка чувствовала, что отец расстроен сегодняшней поездкой, но не желает говорить об этом. Король забрал почти все. Та малая часть, что удалось сбыть Артуру, принесла скудную прибыль, едва ли хватит на месяц. Единственное, что успокаивало фермера, то, что на земельном наделе еще осталась треть урожая, которой будет достаточно, дабы дотянуть до весны.

Златовласка осторожно заглянула за корзины, где был спрятан ворон. Карро, нахохлившись, сидел на жерди, и с презрением смотрел на девушку. Казалось, что если бы, птица могла говорить, то она бы сейчас непременно высказала все, что думает: о Ребекке и ее родственниках, вплоть до седьмого колена.

«Какой грозный», Ребекка показала птице язык и вновь уселась на свое место. Она услышала, как из-за корзин донесся звук щелкнувшего клюва.

Через час фургон, наконец, достиг Дубков. Повозка, поскрипывая, въехала во двор семейства Лангрэн. Ребекка с облегчением вздохнула, осознав, что они далеко от Форга, и Тивару не добраться до нее в такой глуши. Годфри остался в столице. Он с родителями был приглашен на королевский бал, а это означало, что друг вернется в замок либо к утру, либо завтра вечером.

Девочка бережно разбудила братьев.

– Мы уже в Дубках? – вальяжно подтягиваясь, осведомился Тор.

Кор протер глаза и выглянул из-под навеса.

– Ага, – подтвердил он.

Артур помог спуститься с повозки дочери, а затем еще сонным сыновьям.

– Пустые корзины не выгружаем, – предупредил фермер. – Они нам завтра понадобятся. Съездим с утра на поле, соберем остатки урожая.

«Вот и замечательно», подумала Ребекка. Теперь она была уверена, что когда стемнеет, незаметно пронесет ворона в дом, тем самым избежит лишних вопросов.

Девочка взяла пакет, врученный ей торговцем-хорьком, и направилась к дому. Позади нее неторопливо плелись Тор и Кор. Один с корзиной с копчеными колбасами, другой с небольшой кадкой соленой рыбы. Отец же взвалил на спину мешок с чечевицей. В Дубках ее не выращивали, поэтому пришлось закупить ее в Форге.

Аэлтэ улыбаясь, стояла в дверях. Она нежно обняла Ребекку, поцеловала близнецов и повела их в избу, ужинать.

После того, как все плотно поели, златовласка осталась с матерью на кухне. Она помогла ей убрать и помыть посуду, а затем с загадочной улыбкой на лице, протянула пакет.

– Держи. Это твой подарок.

Аэлтэ развернула сверток и обомлела. Огнедышащие боги, словно сами вручила ей вожжи, которыми она сможет управлять хитрой и коварной судьбой.

– Дрит... – сглотнув слюну, прошептала женщина, рассматривая почти невесомую шаль с вкрапленным в волокна бисером янтаря.

От Ребекки не укрылась восхищение и искры безумной радости, которые промелькнули в глазах матери. Аэлтэ улыбнулась и крепко обняла дочь.

– Благодарю, милая! Это самый лучший подарок в моей жизни, – молвила она.

– Я догадывалась, что ты придешь в восторг, – глаза у Ребекки заблестели от слез счастья. – Ты столько рассказывала о чащобе дриад, что мне стало ясно. Этот подарок – просто создан для тебя.

– Это удивительная вещь – частица дритского леса. Данная материя является лоскутом паутины, сотканной среди плачущих древ Аирун. Янтарь – слезы Аирун. Каждая нить пропитана молодыми ветрами, опадающей листвой, песнями дриад, – глаза Аэлтэ затуманились, как и в те разы, когда она начинала рассказывать об удивительных землях Нирбисса. – Руандон покупает у лесных жителей паутину умерших пауков и лишь, потом аккуратно разрезает на куски, превращая их в шали, украшая ими платья и головные уборы. Слухи говорят, что еще никому не удавалось завладеть сетями живого ткача.

– Эти пауки, каких размеров, если платок лишь часть паутины? – испуганным голосом произнесла златовласка.

Аэлтэ рассмеялась, глядя на дочь, у которой на лице читался неподдельный страх.

– Огромных! Но ты не бойся. В Мендарве они не водятся. И даже если бы водились, эти восьминогие твари не причинят вреда, пока кто-то не начнет претендовать на их имущество и территорию.

– Брр. Я бы предпочла с ними не встречаться ни при каких обстоятельствах, – уверенно сказала девочка.

Аэлтэ снова улыбнулась, но внезапно ее улыбка угасла. Женщина серьезно взглянула на златовласку.

– Сколько денег ты отдала за нее?

Ребекка хотела рассказать матери об удивительном торговце, но тут во дворе раздались крики близнецов. Тор и Кор опять ссорились из-за очередного пустяка.

– Не беспокойся, я разберусь, – молвила Ребекка и покинула кухню.

Оставшись одна, Аэлте кончиками пальцев прошлась по желтым бусинам, и полной грудью вдохнула аромат шали.

«Да прибудет со мной благословение Земли, Ветра и Воды. Пусть мой путь будет извилист и полон преград, но я дойду до цели. Мои сестры услышат меня и явятся на зов, дабы встать на защиту Жезла Пророчества», подумала Тара Рин и взглянула в окно, где блеклые лучи солнца утопали в надвигающихся сумерках, и напоминали дриаде о последнем вечере, который она проведет в стране людей.

Таверна «Паяц и дворянка», расположилась на окраине Форга, почти у самых городских ворот. Это было неприметное двухэтажное здание из кремowego ракушечника и сосновых бревен, покрытых известью. На серой черепичной крыше возвышались четыре печные трубы и

флюгер, изображающий даму, танцующую с шутом. В ветреную погоду жируэтка вертелась из стороны в сторону, жалостливо поскрипывая.

Постоянными посетителями этого места были приезжие, да городская стража. Но порой захаживали и местные ремесленники, да моряки, которым осточертели портовые кабаки, и они желали поглазеть на пышных официанток, совсем не похожих на тощих девиц, работающих на пристани.

На первом этаже располагалась кухня да огромный зал с двумя каминами и множеством деревянных столов, за которыми пили эль, уплетали жаркое и играли в кости постояльцы. На втором этаже раскинулись просторные комнаты для гостей, решивших переночевать в столице Мендарва. Помещения наверху в обычные дни практически пустовали. Но во время праздников и Ярмарки все номера были битком набиты.

Сегодня в постоялом дворе было людно. В каминах едва теплился огонь, вечера были еще теплые, и не было смысла жечь понапрасну дрова. Полный трактирщик, абсолютно лысый, средних лет мужчина в серой рубаше и полосатом фартуке, сидел за прилавком, то и дело, подливая, стоящим у стойки гостям, либо градскую настойку, либо самогон из Раинисса. Он время от времени перекидывался словечками с посетителями, громко хохоча, и не забывал отдавать распоряжения кухарке, да служанкам, сновавшим без продыху по залу.

В углу таверны, в полумраке сидели двое чужеземцев и вели беседу. В зале стоял такой шум от громких возгласов, пьяного смеха, да звуков свирели и лютни, что парочка незнакомцев не тревожилась о том, что кто-либо подслушает их разговор.

В мужчине даже если бы кому-то захотелось пристальнее разглядеть его, было крайне сложно узнать одного из Верховных жрецов. Меус упрятал волосы под темно-синий шаперон. Бороду капеллан заплел в какой-то замысловатый узор из косичек, и теперь она доходила не до пояса, а до груди. Единственные, кто не пострадали от преобразования, были длинные черные усы. Старец был облачен в неприметное одеяние для верховой езды и в длинный дорожный плащ, серого цвета. Даже сапоги со шпорами, намекали на то, что он не глава ордена Тарумона Милосердного, а обычный путник.

Барк, сидящий напротив, кутался в короткую синюю накидку. Он сменил свой стеганый халат на плотный шерстяной кафтан и добротные бриджи, заправленные в высокие пепельные ботфорты. Головной убор остался прежний. Колпак, скрывающий жидкую шевелюру, возвышался на маленькой голове купца.

Человек-хорек удобно развалился на скамье, облокотившись на деревянную спинку и, постоянно улыбаясь, что-то увлеченно рассказывал своему собеседнику.

– Белки? До сих пор в услужение у этих старых ворчунов? Вот это да!– Меус рассмеялся, вытирая ладонью усы, на которых белой бахромой устроилась пена от эля.

– Да, дружище. Нельзя недооценивать Магистров. Даже у этих юрких зверьков они вызывают трепет, – Барк отхлебнул янтарного хмельного напитка из деревянной кружки. – Тебе ли не знать? Ты и сам успел побывать почетным...

– Ах, забудь. Все уже давно поросло крапивой да беленой, – отмахнулся старец, давая понять другу, что не желает ворошить былое. – Ты лучше мне расскажи, как тебе все время удается улизнуть незаметно? Путь от Цинтруонского леса до Мендарва неблизкий. Пожалуй несколько недель занимает в одну сторону, а того и месяц. Долгий срок. Вдруг тебя хватятя? – в голосе Меуса зазвучало беспокойство. Меньше всего он хотел, чтобы Верховные чародеи прознали про вылазки приятеля. Да еще не куда-нибудь, а в Мендарв.

Барк печально усмехнулся, в его глазах-бусинках, появилась такая тоска, словно он жалел о том, что до сих пор прозябает на краю Нирбисса в Цитадели, окруженный непроходимыми горами.

– Не тревожься. У меня есть союзник, который подсобил мне преодолеть путь, – произнес он, и с опаской огляделся, словно боялся, что кто-то из присутствующих может услышать

сказанное и заподозрить неладное. К счастью, в зале не было ни одного храмовника, которого могли заинтересовать подобные речи.

Капеллан понимающе кивнул. Он знал, что подразумевает товарищ – порталы. У Барка, был помощник. И не простой, а достаточно сильный волшебник, способный использовать Высшую магию. Иллюзорные врата могли открывать многие чародеи, вот только от могущества волшебников зависели размеры врат и время их действия.

– А что касается моего непродолжительного отсутствия... Тебе же известно, что сил у меня нет, и поэтому я для Магистров не представляю великой ценности. Нет травника несколько дней? К чему бить в колокола? Видимо ушел в поход за лекарственными растениями! Вот и все их беспокойство да опасения. Десятилетиями они меня считают недотепой, и, тем не менее, мои снадобья берут охапками. Ведь самим корпеть над эликсирами у них нет ни времени, ни желания. Так почему бы не пополнить запас у безродного и покорного целителя?

– Не расстраивайся ты из-за этих дряхлых и полоумных снобов. Они так зазнались и утопили в океане гордыни, что не видят ничего дальше своего крючковатого носа. Помимо тебя в Аскалионе множество воспитанников лишенных способностей. Травник – это не писарь! А вспомни-ка, они меня тоже бездарем считали, хотя сила у меня в крови, попорть им перины пазедотский клещ! Ты воочию можешь убедиться в моей никчемности, созерцая ее плоды, – Меус незаметно скользнул взглядом по залу таверны, подразумевая под ней Мендарв.

Эх! Как в это мгновение черноволосый маг мечтал взглянуть на выражение лица Эуриона, если бы тот проведал, что горе-чародей, ошибка богов, наделенная магическими способностями, правит целой страной. Ничего, однажды он потешит свое самолюбие и лично расскажет тщеславному всезнайке о своих достижениях, если конечно тот не помрет до знаменательного события.

Словно прочитав его мысли, Барк с ехидством промолвил:

– Да, Эуриона хватил бы удар! Он бы от ярости разнес Цитадель, а заодно и несколько государств, граничащих с пустошью или горами.

Собеседники дружно расхохотались. Главный Магистр был завистлив, и терпеть не мог, когда кто-то из воспитанников добивался чего-то в жизни, превосходя результаты учителя. В свою очередь подопечные, даже окончив обучение, стремились хоть как-нибудь позлить высокомерного кудесника, превосходящего их по рангу.

– Ну, пожалуй, хватит перемывать косточки этому ветхому ворчуну, а то чего доброго он за тысячи миль почует неладное и начнет икать. А ему раз плюнуть, отыскать виновника непроизвольной физиологической реакции. Пусть пока прибывает в неведение, пропади он в болотах Крока! – выругался Барк, подумав, что привычка друга весьма заразительна. Главное не прихватить эту манеру разговора в Цитадель. Того и гляди, Магистры быстро пронюхают про отступников. – Ты лучше поведай, как у вас дела с Псилоном.

Но ответить капеллан не успел. К столу подошла дородная девица в платье ирисового оттенка, стянутом на талии тугим корсетом и глубоким декольте, открывающим пышную грудь.

– Господа не желают еще эля? – поинтересовалась она, с притворным любопытством взглянув на собеседников.

Меус молча кивнул. Барк же, обескуражено отвел взгляд от привлекательных форм дамы, стараясь не выдать своего смущения. Разносчица улыбнулась, как того требовал этикет и, виляя бедрами, пошла к стойке трактирщика. По пути ее остановили еще несколько посетителей, требуя добавки. Девица внимательно выслушала пожелания, не перестывая расплываться в улыбке, и отдернула свою коллегу, которая заболталась с компанией копейщиков. Работы было невпроворот. Товарка недовольно скривила личико, но оставила новых друзей и поспешила за пышногрудой официанткой.

– Да рассказывать то нечего, – покачал головой маг, оторвав взгляд от девушек, которые вступили в перепалку с хозяином таверны. – Ничто в этой стране не меняется. Король и

Псион, как и прежде ведут бесконечную охоту на нелюдей и чародеев. Наша магическая и каменная завеса уже местами обветшала, так что временами, кто-нибудь да проскальзывает за ее пределы. В последнее время частыми гостями стали эльфы-полукровки. Все не могу уразуметь, чего им здесь понадобилось? Народец в Мендарве не гостеприимный и зоркий. Их хлебом не корми, дай нелюдя прибить! Псион все также снабжает храмовников амулетами, способными обнаружить магическую деятельность. Ни один волшебник не воспользуется чарами на территории Медарва незаметно! Мой братец пронюхает про мистическую активность даже в самых отдаленных уголках людского государства.

– Счастье то какое, что я не владею даже крупными чародействами! Все мои знания вот здесь, – Барк усмехнулся и постучал костяшками пальцев по голове, – и они хоть и обладают магическим эффектом, но это всего лишь рецепты, да наименования ингредиентов. Храмовникам не проникнуть в мою голову, даже если они вскроют черепушку.

– Надеюсь, такого никогда не произойдет, – проговорил Меус и похлопал друга по руке. – К твоей удаче, служители Тарумона Милосердного всего лишь люди, с примитивными талисманами в руках. Им не дано читать мысли...

К столу вновь подошла разносчица. Меус заметил, что ее лицо покраснело от недавней перебранки с трактирщиком, но она по-прежнему улыбалась. Девушка поставила перед посетителями деревянные кружки с пенным напитком.

– Еще чего-нибудь желаете, господи? – поинтересовалась она.

Меус задумчиво намотал ус на палец, взглянув на приятеля, старающегося из-за всех сил игнорировать девушку.

– Предупреди мастера Волфа об ужине, – произнес маг. – Я с ним по приходу обговорил меню.

– Непременно, господин, – на этот раз официантка еле заметно поклонилась и торопливо скрылась в толпе посетителей. Барк оторвал взгляд от рисунка на дубовой поверхности стола и тяжело вдохнул. Меус усмехнулся, глядя на травника, который совершенно терялся в присутствии прекрасного пола.

– Я погляжу, ты никак не можешь адаптироваться к местному народу, – усмехнулся капеллан. – Понимаю. В Убежище таких красоток не бывает.

– Там вообще нет женщин, если ты запамятовал, – буркнул Барк, стараясь напустить на себя безразличный вид. – Оказаться в объятиях прекрасных дам, дано лишь тем, кто покинул Цитадель по поручению Магистров или поступил на временную службу к какому-нибудь государю.

Меус поправил головной убор и задумчиво хмыкнул. Жизнь в убежище Аскалион – удел затворников. Перечень строгих законов и правил. Пресловутый кодекс чести, который беспрестанно обязаны соблюдать все члены ордена.

Аскетический образ существования шел на пользу магическому развитию, но был настолько тосклив. Запрет на создание семьи и вольного рода деятельности, еще больше добавлял горечи. А самым неприятным аспектом было то, что любой, кто обучался или жил в Цитадели, не мог и шагу ступить без пристального надзора Верховных магов. Так себе перспектива на долгую и серую жизнь. Хотя были и свои плюсы. Безграничные знания, битвы с монстрами и участие в самых масштабных войнах. Но некоторым поселенцам Аскалиона и этого было недостаточно. И тогда, кто-нибудь из адептов становился ренегатом.

Смельчаки тут же избавлялись от вездесущего гнета Магистров, но так же лишались и привилегий: неограниченного доступа к магическим знаниям и реликвиям. И пусть уберегут клятвopеступников древние боги, если они попытаются уволочь артефакт или свиток с заклинаниями! Верховные маги спустят своих цепных псов, и из-под земли достанут наглецов, и кара за воровство будет ужасающей.

Волшебник потерял виски, словно его голову пронзила острая боль. Он даже не смел думать о том, что с ними сотворят Магистры, когда выяснят, что он и Псилон живы. Им, по счастливой случайности, удалось прихватить с собой немало ценных вещей. Эти предметы, оказали весомую услугу в Мендарве. Неизвестно, удалось бы братьям, завладеть имуществом Аскалиона, случись им бежать из Цитадели. Отступникам Виэнарисс пришлось на руку война с эльфами, затеянная А...

Меус прервал раздумья. Лучше о нем не вспоминать. Минуло двадцать лет, а не пятьдесят, как утверждал Псилон. Двадцать лет, как они поселились здесь и возглавили орден Тарумона Милосердного. Двадцать лет, как исчезла дочь Яндариуса. Двадцать лет, как погибла Табора...

– С тобой все в порядке? – встревоженно поинтересовался Барк, видя, как лицо друга с каждой секундой становится все угрюмей.

Маг, очнувшись от мрачных размышлений, напомиравших ему о прошлом, поднял на целителя ореховые глаза и тихо прошептал.

– Со мной все будет хорошо. Но чувствует мое сердце, что с Нирбиссом не все ладно.

Барк нахмурился и стиснул кружку с элем. Ему было кое-что ведомо об изменениях на континенте. Но откуда было знать о веяниях судьбы Меусу, проживающему в изоляции? Травнику совершенно не нравился настрой чародея.

– О чем ты говоришь? – стараясь не вызвать подозрений, поинтересовался он.

– Псилон стал ожесточенным и каким-то странным в последнее время. Сегодня на Ярмарке я встретил таинственную девушку, чей образ мне до боли знаком. А с утра меня ошорошила весть о том, что возлюбленная Моргана жива.

– Табора? – брови Барка удивленно приподнялись, а в душе заскребли кошки.

– Угу, – коротко подтвердил Меус.

– Быть того не может. Она же погибла, тогда...

– Видимо нет. Либо это ее сестра-близнец, в данный момент скрывается в Темной Дубраве, что маловероятно, либо ей удалось каким-то образом обхитрить Темноликую. Не спрашивай как! Я не знаю. Демоницей займется Псилон. Я даже видеть ее не желаю, после того, что она учинила брату, – капеллан насупился.

– Интересно... – задумчиво потерев подбородок, промолвил Барк. – Как вы узнали о ней?

Меус довольно хмыкнул, и на его лице появилась слабая улыбка. Как и всегда! Магия – повсюду остается магией!

– Я же говорю, рогатая бестия в Мендарве. Затаилась у самой границы. Причем проникла она сюда при помощи портала. А такую мощь, лишь слепой не заметит! Да храмовники со своими амулетами... Она использовала высшую магию, и даже маскировочный щит, дабы святоши не обнаружили ее.

Глаза Барка стали круглыми от удивления. То, о чем говорил чародей, было невероятно даже за пределами Мендарва. На врата и заслоны уходило много сил, и для сотворения данных заклинаний требовались познания фундаментального, а не поверхностного волшебства.

– Это невозможно!

– Вот-вот, – тяжело вздохнул верховный жрец. – Я об этом и говорю. Демоны воскресают и начинают использовать Высшую магию! Грядут темные времена для Нирбисса, запомни мои слова! Пусть меня изрешетят стрелы дриад, если я неправ.

Меус допил эль и, откинувшись на спинку скамьи, хмурым взором оглядел зал трактира. Веселятся! Смеются! Танцуют! А тем временем, тучи сгущаются! Коварные ветра гонят свинцовую бурю с морских просторов. Да оберегут вас древние боги! Ибо свет Тарумона Милосердного не в силах противостоять надвигающейся беде.

Барк отрешенно уставился на свои руки, собранные в замок. Он терпеть не мог дурные известия. А в скором времени их станет еще больше. Да и возрождение чертовки – скверный знак!

«Моргану известно о том, что демонесса восстала из мертвых?»

– Я так не думаю, – прервал его мысли чародей. – Ты бы первым узнал. Брат бы пришел в ярость, либо впал бы в уныние. Он не способен долгое время прятать свои чувства.

Человек-хорек вздрогнул, покачал головой и укоризненно взглянул на приятеля.

– Дорогой друг, перестань копаться в моей голове, – в его голосе появились нотки обиды.

– Прости, не удержался, – усмехнулся в бороду маг. – Хоть твои мысли пролистаю, пока рядом нет храмовников с их чертовыми амулетами.

– Нет, уж! Давай, как-нибудь в другой раз мы пообщаемся на ментальном уровне, – запротестовал Барк. Ему меньше всего хотелось, чтобы чернобородый кудесник изучал его мозг. Травнику было что скрывать. И если одни думы были лишь невинными рассуждениями, то другие хранили в себе опасную тайну, которую он не мог поведать приятелю.

– Ладно, не сердчай. Я не пытался тебя оскорбить, – успокоил Меус товарища. – Давай-ка отведаем местных яств. Тоскливые и скорбные разговоры вызывают у меня чувство голода.

Волшебник сделал знак трактирщику, а тот быстро окликнул дородную разносчицу.

– Сейчас отужинаем и продолжим нашу беседу. У нас осталось в запасе еще достаточно тем для обсуждения, и к счастью, не столь мрачных, надеюсь.

– У меня не так много времени, мой друг, – произнес с сожалением Барк, нервно пощипывая жидкую бородку. – Завтра я должен покинуть Мендарв, в любом случае. Мой проводник будет ожидать меня, дабы телепортировать обратно в Аскалион.

Меус хлопнул приятеля по плечу и хитро усмехнулся.

– Не тревожься! Ты успеешь удрать в свою холодную и хмурую темницу!

Официантка, виляя бедрами, подошла к столу. В руках у нее был поднос с глиняными мисками, в которых ароматно пахла жареная телятина с грибами, парные овощи, и аппетитно устроились ломти свежеспеченного хлеба да кувшин с янтарным вином и два металлических кубка.

– Спасибо вам, юная леди. Вот возьмите, – Меус протянул серебряник официантке, вспыхнувшей от смущения. – Это вам за хлопоты.

Девушка быстро взяла монету, поклонилась и, забрав пустые кружки из-под эля, удалилась.

– Все-таки уютно тут у вас в Мендарве, – протянул Барк, провожая восхищенным взглядом разносчицу.

– Ага, пока церковники тебя к стенке не прижмут да не вручат повестку на костер, – промышчал капеллан, всюду орудуя вилкой и ножом.

Травник полной грудью вдохнул запах блюд и последовал примеру друга. Для Барка Мендарв был идеальным местом, чтобы встретить старость. Адепты культа Тарумона Милосердного ничто, по сравнению с Цитаделью, в которой тьма магов, белок и говорящих воронов!

Ночь мягким пледом опустилась на Форг. Небо заволочло черничными тучами, и где-то вдали громыхнул гром. Но ни один посетитель таверны «Паяц и дворянка» не обратил внимания на приближение стихии. Только чернобородый старец, улетающий телятину, задумчиво прислушался к звуку. Но затем и он позабыл о нем, полностью погрузившись в поедание вкусного и сытного ужина, да беседа со старым другом, прибывшим из далеких краев.

Глава 3

*«Бесшумно ступает Черная
Дерода. Трудно ощутить ее дыхание.»*

*Невозможно уловить звук ее шагов.
Не скрыться от тени ее плаща.
Горе – неизбежно! Еще никому не
удавалось без потерь вырваться
из тонких, но цепких рук Темнолицой!»*

*Дневник Тодиуса Корнелиуса.
Некроманта третьего Ранга.*

Над Темной Дубравой и владениями барона Данкоса разбушевалась гроза. Мрачно-фиолетовое небо рассекали цепи ярких молний, которые, то слепящими вспышками исчезали в глубине леса, то с треском врезались в поля и сады фермеров. Гром грохотал так, что казалось, еще немного, и небеса рухнут на окраину Мендарва, и бездна поглотит островной замок и расположенные неподалеку Дубки. Неистовый ливень сплошной стеной обрушился на округу. Зарница бурным потоком несла в водах обломанные сучья, камыш, смытый с крыш, мелкую утварь, оставленную во дворе непутевыми хозяевами. Ветер резкими порывами стегал кроны деревьев, жажда вырвать их с корнем из плодородной почвы. Сухие ветви первыми сдались и, с треском отломившись от стволов, нырнули в мутные ручьи, обезумевшей воды.

Ребекка проснулась от пронзительного раската грома и оглушительного прерывистого стука. Яркие проблески молнии пронзили синим светом комнату, и вновь раздался жуткий грохот. Златовласка испугано вскочила с постели, запуталась в покрывале, и чуть было не упала на пол, но вовремя ухватила за спинку кровати. Наконец, выбравшись из тканевых оков, она подбежала к распахнутому окну и, не обращая внимания на острые, словно иглы капли дождя, захлопнула, болтающиеся на ветру, подобно парусине, ставни, а затем и створки окон. Осталась одна рама. Стекло от ударов разбилось, и теперь его осколки лежали во дворе и на полу. Только сейчас девочка углядела, что у стены образовалась лужа.

Ребекка, стараясь унять дрожь, сорочка вся промокла, подошла к комоду и трясущимися руками зажгла огарок свечи. Опочивальню озарил слабый свет. Златовласка огляделась. Пол в комнате был мокрым от дождя, а от окна вел тонкий алый след. Кровь!

Только сейчас девочка осознала, что порезала ступни об осколки. Она так испугалась и замерзла, что не почувствовала боли. Присев на край кровати Ребекка осмотрела ноги. Стекланные лезвия лишь в нескольких местах впились в кожный покров, не глубоко, но достаточно сильно, чтобы вызвать кровотечение.

Златовласка убрала свечу с комода и поставила на пол, затем открыла сундук и достала оттуда ситцевую простынь. Она стала стремительно рвать ее на полосы.

Внезапно Ребекке показалась, что она услышала голос матери и отца. Но раскаты грома заглушили слова. И когда отзвуки стихии на мгновение умолкли, с ними и исчезли громкие разговоры.

«Нет. Я не стану выходить. Если мать меня увидит в таком состоянии, то точно расстроится. Завтра я узнаю, что случилось. Рассвет заберет ненастье и принесет светлый, добрый день»

Девочка, морщась от боли, стала вытаскивать стеклышки из ступни. Она протрет рану, обвяжет тканью. А поутру возьмет одну из мазей матери, наложит добротную повязку, и через день все пройдет.

Златовласка искоса взглянула на ворона. Птица невозмутимо сидела на жердочке, словно гроза, бушующая в Дубках, совершенно ее не касалась. Глаза пернатого гиганта были закрыты, но Ребекка могла поклясться светом Тарумона Милосердного, что ворон не спал. Он безмолвно следил за событиями, прислушивался к звукам, но не желал лицезреть ни свет свечи, ни ранение девочки, ни лужу на полу.

«Vik'er iteto hak par lehe pald'n! Anuren vagro er'em oc'eran!. Ferl'en hen s'he iteto par oro Khaa te!» внезапно в гуле ветра и грохоте грома послышался шепот.

Карро испуганно шелкнул клювом и уставился округленными янтарными глазами на пол. Ребекка, у которой от мистических звуков мурашки забегали по спине, проследила за взглядом птицы и робко вскрикнула, прикрыв рот рукой.

В луже, освещенной тусклыми отблесками свечи, мерцала надпись на всеобщем языке.

«Стихия несет меня к живым горизонтам! Судьба ищет сердце силы! Помощь будет птицей нестись к тебе золотое пламя!»

Златовласка побледнела и от страха зажмурилась. Громкий щелчок клюва ворона заставил ее набраться храбрости и открыть глаза. Надпись исчезла, и вместе с ней испарился шепот.

– Нет, нет, нет! Это все происки темных сил! Да, защитит меня вечный свет Тарумона Милосердного! Никакая стихия меня не заставит выйти из спальни! – тихо промолвила она. Страх, что за дверью могут таиться еще более ужасные вещи, нежели светящиеся надписи, сковывал девушку.

Карро склонил голову набок и с интересом смотрел на Ребекку, словно видел ее в первый раз. На мгновение в янтарных глазах ворона промелькнуло сожаление. Но златовласка не заметила его. Она наспех перевязала ступни, поставила свечу на сундук и легла в постель, с головой укрывшись одеялом.

С зарей тьма отступит, гроза пройдет, и солнце вновь засияет над Дубками. И все, что ночью случилось, окажется лишь очередным кошмаром.

«Надо во что бы то ни стало заснуть. Это всего лишь дурной сон! Гадкий сон!»

Над Темной Дубравой гроза приутихла. Тяжелые тучи все еще нависали, но ливень прекратился. И лишь отблески молний на горизонте да раскаты грома вдали напоминали о минувшей стихии. Впрочем, о ненастье напоминал и бурелом, оставшийся после беспощадных порывов ветра. Повсюду лежали поваленные стволы, местами вырванные с корнем, да непроходимые нагромождения из ветвей. В оврагах непрерывно текли ручьи дождевой воды, спеша впасть в бурный поток Зарницы.

– Таборочка, солнце мое! Не будешь ли ты так любезна, разъяснить мне, что вообще происходит? – мрачный эльф удобно расселся на краю огромного дупла, и увлеченно грыз коготь большого пальца правой руки-лапы.

Демоница сидела на корне дуба, обхватив голову. Вид у нее был плачевный. Она вся промокла до нитки. Длинные волосы паклей спадали на плечи. Темная рубаха прилипла к телу демонессы. Да, и из ботфортов пришлось выливать последствия ливня. Плащ отяжелел от воды, и девица была вынуждена его снять и выжать. Он висел на ветке вместе с жилетом, покрытым металлическими пластинами.

Стихия началась внезапно. В отличие от коротышки, который просидел всю грозу в дупле и остался сухим, Табора не смогла найти укрытия. Пришлось импровизировать. Но довольно сложно, отыскать убежище, когда древа норовят придавить тебя массой, а вода, словно во время половодья река, стремится унести за пределы леса. Да и молнии все время пытаются превратить в пепел!

– Оставь меня в покое, свиное рыло! – устало прорычала демоница.

Науру прекратил заниматься чисткой когтей, и поучительно подняв вверх указательный палец, с укором произнес:

– Но, но, дорогая. Прошу обойтись без оскорблений. Я же не нарек тебя «рогатой»? Как-никак, и у меня есть имя.

– Причем весьма отвратительное, – Табора явно не была настроена на мирную беседу.

– Ну, уж какое есть. Всем не угодишь. Оставим же мое имя в покое и поговорим о хаосе, что здесь творился несколько минут назад.

Демоница скрипнула зубами, и, сложив руки на колени, подняла голову вверх. Коротышка заметил, как ее глаза сверкнули в темноте, подобно молниям, недавно рассекающим небосвод.

– О, я с превеликим удовольствием расскажу тебе об этом и даже предоставлю прогноз на будущее, – с сарказмом прошипела девица. – Ожидаются небольшие осадки. Ветер умеренный, местами порывистый. В ближайшие сутки возможно потепление и ясная погода. Доволен? Остались какие-то вопросы?

Эльф с жалостью глянул на Табору, затем повертел пальцами у виска. Видимо ей не удалось ускользнуть от электрического разряда небес.

– Девочка моя, кажется ты того... Перепады атмосферного давления на тебя плохо влияют. Я погляжу, ты из-за напряженной обстановки совсем умом тронулась. Ну, ничего милая, не расстраивайся, возможно, еще не все потерянно, мы найдем тебе талантливого лекаря.

Табора кровожадно улыбнулась. А лицо перекошилось от злобы.

– Ты, эльфийское отродье, думаешь, если я промокла и продрогла, то не доберусь до тебя? Не обольщайся! Если и дальше будешь подтрунивать надо мной, то я клянусь, что некая рыжая морда непременно получит от меня затрещину.

– Прошу не путать! Каштановая, а не рыжая! – перебил Науро, и в целях безопасности уселся поглубже в дупло.

– Иронизируй, толстобрюхий! Испытывай мое терпение! Еще немного и я отправлю тебя ко всем чертям!

– Нет уж, спасибо! В гости к твоим родственникам меня ничем не заманишь! – не унимался эльф.

Демонесса выругалась и затем стрелой метнулась к дубу. Науро даже не шелохнулся. Он изначально знал исход сего действия. Вскарabкаться по стволу Таборе не удалось. Кора после дождя была скользкой. Она только понапрасну вымаралась, и теперь тяжело дыша, стояла внизу с искаженной от гнева физиономией.

– Смотрю, у кого-то нервишки пошаливают, – ухмыльнулся коротышка, обнажив желтые клыки.

Табора одарила наглеца убийственным взглядом.

– Только попадись мне мерзкий уродец...

– Ой, ой, ой, испугала ястреба мышью!

– Науро!

– Да Табора. Я весь во внимании!

– Прекрати паясничать и выводите меня из себя!

– Хорошо, – как-то быстро согласился эльф. – Не желаешь повеселиться, что же, твое дело. Но тебе все равно не уйти от ответа. Я не отстану от тебя, пока ты не растолкуешь мне, чем вызвана эта стихия.

– Да, я не знаю, полоумный ты кусок пня! – взвизгнула демонесса, да так громко, что Науро от неожиданности вздрогнул, и чуть было не вывалился из дупла.

– Не вопи ты так на весь лес! – осторожно оглядев Дубраву, проговорил эльф. – Еще доброго услышат тебя стражники или бело-зеленые святоши. Хотя вряд ли. Они попрятались, как улитки в панцирь, испугавшись грозы. В любом случае не ори. Просто скажи: ты вызвала ненастье или нет?

Демоница тяжело опустилась на корень дуба и вновь обхватила голову руками.

– Нет, не я. Это проделки Тары. Она призвала ветра, и спровоцировала грозу.

– Ты верно шутишь? Зачем ей привлекать внимание храмовников, используя Магию стихий? Да этот всплеск энергии был виден даже на мысе Гроу. Я что-то сомневаюсь, что дриада настолько обезумела, что решила явить миру свое убежище.

– Мне наплевать, веришь ты или нет! – огрызнулась девица. Она точно знала, что не применяла собственные силы. Это все Тара Рин!

– Нет, нет! Ты что-то темнишь, – не унимался коротышка. – Милочка, ни с того, ни с сего не прибегают к Стихийному чародейству. А у нас получается, что бац! И дриада всколыхнула пол Мендарва и большую часть Круана. Чую, без тебя тут не обошлось.

– Ты ошибаешься, – устало протянула Табора, – я действительно не имею отношения к природной заварушке.

Эльф, задумавшись, почесал рыжую, а не каштановую макушку. Дела обстояли хуже некуда. Таре удалось передать послание сестрам. А это – очень плохо! У Науру и Таборы оставалось не так много времени, дабы отыскать Жезл. Но как это сделать, когда над Дубками витает множество искр волшебства? Над каждым домом и даже над замком! Ареал поисков расширился! Чертова дриада, спутала все карты!

– Если ты говоришь правду, то у нас появится множество хлопот, зайчик мой, – молвил коротышка.

– Не смей меня так называть, – прошипела Табора, но не двинулась с места.

Науру укоризненно взглянул на нее.

– Ладно, козочка моя...

– Ты нарываешься!

– Я же любя...

– Ну, держись эльф! – Табора сжала кулаки и взглянула вверх, где во тьме дупла прятался ехидный напарник. – Когда все закончится, ты ответишь мне за каждую издевку.

Толстячок насмешливо хмыкнул.

– Ну, до этого прекрасного момента нам с тобой надо еще дожить.

– Идиот!

– Опять обзываешься? Где тебя только воспитывали? А да, вспомнил...

– Сгинь с моих глаз!

– Эй, эй, не дерзи. Забыла, что весь спрос с меня, если что? Я все записываю: и про погоду, и про дриаду, и про измывательства.

– Да иди ты, Науру! – демоница вскочила с корня и, чертыхаясь под нос, пошла прочь от дуба, перебираясь через валежник. Подальше от назойливого напарника.

Лес был безмолвен, если не считать капель срывающихся с крон деревьев, скрежет стволов, измотанных бурей, да хлюпающей воды под ногами демоницы. Табора тихо бранясь, перешагивала через сломанные ветви и обходила корневища поваленных древ. Она торопливо и бесцельно слонялась по Темной Дубраве, стремясь вернуть себе спокойное расположение духа.

Ее не страшил тот факт, что она может ненароком нарваться на приграничную стражу. Вряд ли эти болваны до утра выйдут в дозор. Им придется прибегнуть к силам крестьян да слугам замка, чтобы разобрать завалы у стены.

– Безмозглая Тара! – выругалась демонесса, выбравшись на наибольшую поляну, на которой возвышался огромный дуб с расколотой надвое верхушкой. Молния ударила точно в центр. Ствол дерева раздвоился, но не сгорел и не упал, как его многие собратья в этой чащобе.

– Вот с этого места расскажи поподробней, моя дорогая, – раздался скрипучий голос позади нее. Табора не успела оглянуться, как почувствовала, что неведомая сила, с невероятной мощью толкнула ее в спину. Подобно яйцу, брошенному озорным мальчишкой в стену соседского дома, она врезалась в ствол покореженного гиганта. Удар был настолько сильным, что у девицы на мгновение потемнело в глазах, а жесткая кора больно оцарапала кожу щек. Стараясь сохранить самообладание Табора, медленно развернулась, ее рука потянулась к кинжалу, висящему на поясе, но воспользоваться клинком ей не удалось. Тяжелый витый посох прижался к ее горлу, сдавливая, словно петля висельника.

– Ты, так предсказуема, милая, – голос из-под темного капюшона плаща звучал иронично, – только совсем растеряла осторожность. Видимо, твоя беззаботность вызвана тем, что ты научилась управлять силами, которые не предназначены для демонов.

Табора нервно сглотнула слюну. Даже в самых худших своих кошмарах она не могла представить себе эту встречу. Она бы справилась с десятком копейщиков, но не с ним.

– Морган... – дрожащим голосом прошептала она.

Незнакомец в темном плаще, прижимающий разветвленный наконечник посоха к ее горлу, гнусно расхохотался и свободной рукой откинул капюшон, обнажив белесые волосы.

– Сюрприз! – с сарказмом произнес он, и в его глазах вспыхнули огоньки злорадства.

– Псион...

Глаза демонессы расширились от ужаса. Она почувствовала, как все тело обдало жаром, словно Табору бросили в жерло вулкана. Перед глазами поплыли воспоминания прошлого.

Поле битвы... Люди, эльфы, маги, гномы, демоны. Все смешалось в одну кашу. Кровавые тела, ежесекундно падают на землю, сраженные либо оружием, либо чарами. И по трупам скачет конница или пешим ходом мчатся новые войска. Сражение не утихает не на мгновение. Кровь... Столько крови вокруг! Столько мертвых глаз, уставленных на образ Темнолицой.

Табора помнила, как во время боя ее отгеснили от Моргана. Но не было времени искать его. Она дралась с неприятелем, который все наступал и наступал своей бесчисленной армией. Клинки в руках демоницы сверкали подобно молниям. Она уворачивалась и от тяжелых мечей, и от острых пик, разя противника кинжалами в самые уязвимые места.

Она уцелела. Рассеченное бедро и кровоточащие полосы на спине были опасны, но не смертельны. Она выжила. Но бой был не окончен. Через тьму бьющихся солдат, она разглядела вначале Яндариуса затем Моргана. Проталкиваясь через стену слившихся в схватке воинов, она крушила недругов, словно тряпичные куклы. Всего несколько шагов. И она вновь станет спиной к спине с возлюбленным!

Обжигающая боль пронзила тело. Ее глаза встретились с Морганом. Она видела, как его взгляд наполнился ужасом, а светлые, как пшеница волосы, почти мгновенно покрылись сединой. Она хотела крикнуть, но новый разрывающий импульс окатил тело волной. Из последних сил Табора развернулась и вонзила клинки во врага, бросившего в нее смертоносные заклятья...

Табора стиснула зубы и молниеносно потянулась к кинжалу, но чародей был стремительней. Он надавил посохом на горло демоницы. Она почувствовала, как темная пелена застилает взор, а живительный воздух не в силах проникнуть в легкие. Рука безвольно повисла. А тело девушки обмякло, хотя она все еще находилась в сознании.

Псион знал, что никто на территории Нирбисса так не управляется с клинками, как демоны. Даже умирая, они способны метнуть лезвие во врага и угодить точно в цель.

– Ты... Ты мертв... – простонала Табора.

Маг глухо расхохотался, не отрывая взгляда от демонессы, припечатанной к стволу покоренного древа.

– Ты тоже, моя дорогая, – молвил он иронично. – Возможно, мы встретились на небесах? Хотя вряд ли. Тебе туда дорога закрыта.

Табора подняла на чародея свои большие глаза, поддернутые дымкой. Невозможно убить дважды, того, кто уже мертв! Но сейчас, Псион именно это жаждал сделать. Псион, которого она пронзила насквозь! Псион, чье тело было сожжено на поле битвы! Псион, предавший ее и Моргана!

– Не находишь ли ты забавной данную ситуацию, дорогая? – усмехнулся чародей, слегка ослабив хватку. Табора с жадностью стала глотать воздух. – Через столько лет встретиться, и не где-нибудь, а в Мендарве! Два мертвеца столкнулись в сердце Нирбисса! Умора!

– Не вижу ничего смешного в том, что встретила труп, попытавшейся исподтишка убить меня кислотными шарами, – прошипела демонесса, но на этот раз уняла свое желание швырнуть в чародея кинжал.

Псилон брезгливо скривился, словно эти воспоминания вызывали у него отвращение.

– Это вышло случайно. Я целился не в тебя! – промолвил холодно он. – И я старался исправить оплошность, поспешив к тебе на помощь. А ты в свою очередь, решила распотрошить меня! – его голос зазвучал гневно. – На моем теле, до сих пор, отвратительные рубцы от твоей мясницкой деятельности.

– Не тревожься, моя кожа тоже сохранила следы кислоты, – прошипела Табора, сверкнув глазами.

Псилон выдержал паузу. Затем сменив гнев на милость добродушно рассмеялся.

– Ну, пожалуй, достаточно вспоминать прошлое! Стоит поговорить о насущном!

Демонесса, изо всех сил старалась сохранить непроницаемое выражение лица. Чародей будет последним человеком в Нирбиссе, который узнает о Жезле из ее уст. Он могуч, но не настолько, чтобы развязать ей язык или влезть в голову. Ее Властелин позаботился, чтобы никто не мог выудить у нее информацию при помощи магии.

– Что тебя интересует? – прошептала она сухо.

Волшебник, усмехнувшись, почесал бороду.

– По правде у меня уйма вопросов! Что ты, милая, ищешь в Мендарве? Почему тебя сопровождает Мрачный эльф? Да и не просто клыкастый коротышка, а сам король волосатых карликов. Кто вызвал стихийное бедствие, которое мне с трудом удалось унять, дабы оно не разрушило всю страну? И кто такая Тара Рин?

Демоница оскалила зубы.

– С удовольствием пообщаюсь с тобой, если уберешь от моего горла эту штуку, – сказала она, указывая на посох.

– Почему бы и нет, – согласился Псилон. – Но вначале, я кое-что у тебя конфискую, – с этими словами он что-то буркнул под нос и сделал круговое движение указательным пальцем. Кинжалы из-за пояса Таборы вылетели и упали у его ног, там-же приземлились два охотничьих ножа, которые доселе скрывались в голенищах сапог демоницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.